

Даниил Лектор

МЕТОД

Если идешь
по следам убийцы —
ты уже отстал

Метод

Даниил Лектор

Метод

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лектор Д.

Метод / Д. Лектор — «Эксмо», 2016 — (Метод)

ISBN 978-5-699-85299-4

Главные герои книги – загадочный следователь Родион Меглин и его юный стажер Есенья – борются с безжалостными маньяками, и каждый день грозит им смертью. Но тайны связаны не только с серийными убийцами – герои носят тайны в себе. Мать Есени погибла 17 лет назад при загадочных обстоятельствах. Кто ее убил? Почему отец Есени, прокурор Стеклов, отказывается расследовать это убийство и даже говорить о нем? В чем состоит таинственный Метод Меглина, позволяющий ему в короткий срок распутывать все преступления? Кто дал Меглину право убивать разоблаченных им маньяков? Кто таинственный преступник, скрывающийся под ником «Ты-Меня-Не-Поймаешь» и совершающий убийства чужими руками? Какие чувства испытывает Меглин к своей стажерке – и вообще, способен ли он на человеческие чувства? «Метод» – не тот случай, когда читатель легко угадывает главного злодея и предвидит, чем все кончится. Сюжет книги то и дело совершает неожиданные повороты – только держись. Скучно точно не будет!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85299-4

© Лектор Д., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	31
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Даниил Лектор

Метод

© ООО Продюсерская компания «Среда», 2016

© ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Глава 1

*Вы говорите: «Всю мою сознательную жизнь». Но это неправда.
Лучше говорите: «Всю мою бессознательную жизнь».*

Метод

Тихий провинциальный город Липецк. Хотя и областной центр, но сравнительно небольшой. Город, в котором не происходит громких преступлений и жители чувствуют себя в безопасности. Настолько, что одинокая девушка может поздним вечером решиться пройти к трамваю через городской парк. Нет, она, конечно, будет внимательно смотреть по сторонам. Тем более что в последние месяцы по городу ползут слухи о маньяке, который убивает девушек, душит их шнурком. Полиция ничего толком не говорит. Но ведь с ней, лично с ней ничего такого не может случиться, правда?

Девушка держится настороже, несколько раз оглядывается. Замечает: сзади, шагах в двадцати, идет какой-то мужчина. Ну и ладно, пусть идет. Однако она инстинктивно ускоряет шаг. Но человек сзади не отстает. Он тоже пошел быстрее! Ее охватывает паника. Она почти бежит. Но тут дорожка делает поворот – и впереди показывается трамвайная остановка. Совсем рядом! И там кто-то есть! Точно: под навесом стоит женщина в годах, со строгим лицом. К такой никто приставать не будет, рядом с ней можно чувствовать себя спокойно. К тому же и тот, сзади, куда-то пропал. Так что все хорошо.

Девушка, постепенно успокаиваясь, садится на скамью. Издалека доносится стук трамвайных колес. Через минуту вагон подъедет к остановке, и она уедет отсюда. Все, неприятный эпизод закончился.

Неожиданно сзади, за спиной девушки, раздается какой-то шорох. Девушка хочет обернуться, но не успевает. Чьи-то руки обматывают вокруг ее шеи шнурок и резко его стягивают. Она хватается за шнурок, пытается ослабить хватку, но сил явно не хватает. Женщина со строгим лицом, рядом с которой девушка чувствовала себя спокойно, оборачивается на звуки борьбы, в ужасе открывает рот, пятится от скамьи.

Подъезжает трамвай – практически пустой в этот поздний час. Женщина запрыгивает в трамвай, двери закрываются, трамвай отъезжает.

Жертва предпринимает последние усилия, ее рот судорожно открывается, глаза вылезают из орбит. Еще несколько секунд... Ноги девушки лихорадочно скребут по песку, потом замирают. Руки бессильно падают.

Все кончено.

Убийца сматывает шнурок с шеи жертвы, бросает на нее последний взгляд и скрывается в темноте.

Спустя некоторое время слышится звук сирены. К остановке подкатывает полицейская машина. Люди в форме растерянно склоняются над телом жертвы.

В тихом городе Липецке зафиксировано очередное, восьмое по счету серийное убийство за неполные два года...

Есеню Стеклову допрашивали двое. Первому (она про себя назвала его «Седой») было лет пятьдесят. Лицо у него было вроде бы приветливое, но ясно чувствовалось, что с ним надо быть настороже. Второй (его Есеня окрестила Худым) был значительно моложе, с цепким надменным взглядом.

Седой положил перед собой чистый лист бумаги, взял ручку и задушевным тоном произнес:

– Ну, что, Есеня Андреевна, начнем?

Есения задумчиво посмотрела на его руки, на приготовленный лист и спросила:

– С чего?

Она не слишком задумывалась над тем, что отвечать. Чувствовала себя уверенно. Следователи знали, кто она и кто ее отец.

– С чистого листа, – сказал Седой, обаятельно улыбнувшись. – Почему вы стали следователем? Странный выбор для девушки...

– Вашей внешности! – добавил Худой.

– Внешность обманчива, – ответила Есения.

Она знала: они и сами наверняка это поняли. Поняли, что за миловидным, немного наивным лицом типичной девушки двадцати трех лет скрывается крепкий, как сталь, характер.

– И все-таки? – с нажимом произнес Седой.

Она понимала, что перед ней – профессионалы, перед которыми поставлена определенная задача. И они будут ее добиваться так же неуклонно, как и она сама решала свои собственные задачи. Значит, надо будет многое рассказать...

– Когда мне было семь, убили мою маму, – произнесла она. – Убийцу так и не нашли. Я поклялась, что вырасту и найду его. Вот главная причина. А непосредственно все началось с выпускного вечера в нашем вузе...

Этот вечер начался на лужайке в вузовском парке. На маленькую трибуну поднялся один из преподавателей и собрался произнести речь:

– Дорогие ребята! Вот вы и стали дипломированными юристами...

Наверное, он хотел сказать еще многое, но ему помешали. К трибуне энергичной походкой подошел отец Есени – прокурор Андрей Стеклов, и жестом показал, что хочет говорить. Преподавателю ничего не оставалось, как уступить.

– С напутственным словом хочет выступить старший советник юстиции Андрей Сергеевич Стеклов, – представил он гостя.

Заняв место на трибуне, прокурор сразу перешел к делу:

– Здравствуйте! Я без чинов! Вы знаете, что моя дочь сегодня тоже, как и все вы, отправляется в самостоятельное плавание. Есения, давай, подойди!

Смущенная Есения, не слишком обрадованная таким поворотом дела, подошла к трибуне.

– Я не знаю, кто из вас кем станет – дороги жизни бывают разными, – сказал прокурор, когда дочь встала рядом с ним. – Я не знаю даже, куда пойдет она, хотя вижу ее чаще вас. Но я прошу вас вот о чем. Если вам будет трудно решиться на какой-то важный шаг, или, наоборот, вас будут подталкивать к опасному, неверному шагу – а в работе юриста бывает и так! – обращайтесь ко мне! Каждого я выслушаю так же внимательно, как ее. А может, и внимательнее, потому что она иногда очень много говорит!

Прокурор первый рассмеялся своей шутке, среди выпускников тоже раздался смех.

– Помогу, чем смогу! – закончил свою речь прокурор. – Мы теперь коллеги! Поздравляю, ребята, празднуйте!

В ответ раздались дружные аплодисменты. Прокурор широко улыбнулся выпускникам. Еще шире – дочери. Есения ответила отцу такой же искренней улыбкой. После чего наклонилась к его уху и прошептала:

– Я тебя ненавижу...

Прокурор ничего не ответил дочери. Ничто не изменилось и в его лице – нельзя было догадаться, что он удивлен или расстроен таким заявлением.

Отец и дочь вместе отошли от трибуны.

– Какой неожиданный визит! – заметила Есения.

– Хотел сделать тебе приятное, – ответил отец.

– Или показать, что контролируешь, – добавила дочь.

На это прокурор не нашел, что возразить. Однако выяснилось, что Есения еще не все ему сказала.

– В прокуратуру в Питер я не поеду, – заявила она.

– Можно спросить, почему?

– Потому что мне осточертел статус «твоей дочки»!

– Тебе не нравится быть моей дочкой?

– Нравится – дома. А на работе я хочу быть собой!

– Мама сына хотела, вот у тебя и характер мужской, – усмехнулся прокурор. – Чем тебе не нравится работа в Питере?

– Она ненастоящая!

– А какая настоящая?

– Ты знаешь! Помнишь, ты говорил: «Прокурор работает с тенями, а следователь – с теми, кто их отбрасывает»? Я не хочу работать с тенями! Не хочу просиживать зад в кресле! Я хочу найти того, кто это сделал с мамой!

– Вот оно что... – протянул прокурор.

– Да! – продолжала наступать Есения. – Ты же обещал! Ты его нашел?

– Его давно нет в живых!

– Откуда ты знаешь? Ты видел его тело? Знаешь, как его зовут? Ты просто сдался!

– Хватит! – резко ответил прокурор. Разговор стал его раздражать.

– Позвони в Питер! – потребовала дочь. – Скажи «спасибо» и отмени.

После чего резко развернулась и направилась в сторону вуза, где уже толпились ее однокашники: выпускники собрались ехать в ночной клуб, где празднество должно было продолжиться, что называется, на высокой ноте. Прокурор Стеклов проводил дочь печальным взглядом.

Веселье в клубе было в разгаре. Есения со своей подругой Анюлей вышли в туалет. Есения курила, а Анюля, полноватая шатенка с чувственным лицом, прихорашивалась у зеркала. Приподняв волосы, она взглянула на свои уши, после чего заявила:

– Уши как у слона. Вот у тебя, я понимаю, сексуальные. Зато мне насчет украшений можно не париться...

– А ты по ним паришься? – поинтересовалась Есения.

– Я по всему парюсь. Я вообще, знаешь, завистливая, – призналась подруга.

– Да ладно, Анюль...

– Нет, правда. Я тебе всегда завидовала. Не вообще, а насчет ушей. И ног. И украшений.

– Ничего не забыла? – рассмеялась Есения, которой хотелось обратить разговор в шутку.

Но Анюля не была склонна шутить.

– Вроде все, – серьезно сказала она. – На тебе всегда такие вещи... Неяркие, но видно же, что дорогие. У тебя вкус есть, и возможности. А я из бедной семьи. У меня никогда этого не было.

– Анюль... – умоляюще произнесла Есения.

И подруга откликнулась на ее интонацию.

– Ничего, я молодая, заработаю, – бодро заявила она. – Я же теперь юрист, а?

– Конечно! – сказала Есения, обнимая подругу. – И уши у тебя отличные, и глаза самые красивые на курсе. А украшения – опасная вещь. Мужчины с их помощью нас покупают.

– Мне что-то не предлагали, – заметила Анюля. – А тебе?

– Монетизировать мое расположение? – уточнила Есения. – Обратить его в капитал? Было пару раз.

– А в грязных подробностях? – заинтересовалась Анюля.

– Один колье обещал. Сказал – от бабушки-дворянки осталось, а носить некому. «Не встречал, – говорит, – такой стати, кроме как у вас! И не поехать ли нам с вами в мой загородный домишко и там колье это примерить...»

– Ну, а ты?

– А я говорю: «Стать – это да. А за город не поеду, далеко».

Подруги несколько секунд смотрели друг на друга, а потом крепко обнялись.

– Неужели завтра у нас начнется взрослая жизнь? – воскликнула Анюля. – Какая она будет?

– Полная, – ответила Есения. – А вот чего – пока не знаю.

Спустя несколько минут Есения уже была в зале, где гремела музыка и танцевали ее одноклассники. К девушке тут же подошел один из них – Саша Тихонов, угловатый, немного неловкий парень. На Есению он смотрел влюбленными глазами.

– Пойдем, потанцуем! – предложил Саша.

– А ты что, танцор? – улыбнулась Есения.

– Ну да, диско! – уверенно ответил Саша, пытаясь изобразить быстрые движения «диско», чем рассмешил девушку.

– Уже выпил? – уточнила она.

– Ну, так...

– А я нет. Принеси что-нибудь, – попросила Есения.

– Не вопрос! Стой тут, ладно?

– Стою! – пообещала девушка.

Саша удалился в сторону бара, а к Есене подошел другой одноклассник – Женя Осмыловский. Он был полной противоположностью Саше и никакой неловкости никогда не испытывал.

– Ну как ты? – приветствовал он Есению.

– Хорошо. А ты?

– Плохо, – скорчил гримасу Женя. – Скучно тут.

– Да брось! Смотри сколько девочек, в платицах...

– Ага, – кивнул кавалер. – И в трусиках. А ты?

– Что? – Есения сперва не поняла вопроса.

– В трусиках?

– Ну, Женя, ты отжигашь... – покачала головой девушка.

– А что? Видишь Лизу Гнедову? – парень показал на группу девушек. – Она – без.

– Да вы гоните, Евгений! – воскликнула Есения, пораженная нахальством кавалера.

– Зуб даю! – серьезно заявил Женя. – Проверим?

– Как? – хохотала Есения.

Женя не успел ответить – в этот момент вернулся Саша с двумя бокалами вина.

– Ну, не буду мешать, – заявил Осмыловский, удаляясь. – Есень, насчет Гнедовой – точно говорю!

Впрочем, ушел он не очень далеко – к Анюле, которая стояла чуть в стороне.

– О чем задумалась? Делись! – потребовал Женя, подходя к девушке.

– Ну, думаю, что дальше будет, – призналась Анюля.

– А что тут думать? Все написано, – уверенно заявил Женя.

– Где?

– На лбу. У каждого человека. Вот, посмотри на мой. Видишь?

И он на полном серьезе наклонил к девушке свой чистый и гладкий лоб. Анюля взглянула и рассмеялась:

– Почерк неразборчивый!

– Нет, – не согласился Женя, – ясно же написано: буду жечь.

– Что: сердца людей глаголом?

– Нет. Глаголы отвечают на вопрос «Что делать?». Ну, работать, потеть. Это не круто. Вот междометия – это круто: «О-о! А-а! О-о! А-а!»

– Ясно... – усмехнулась Анюля. – А у меня что написано?

Осмыловский с видом врача осмотрел ее лоб и заявил:

– Выйдешь замуж. Неудачно: у тебя будет сила воли, у него нет. Разведешься, опять выйдешь. Та же беда. Бросишь это хобби, утетишься в работе. Станешь адвокатом в Ярославле. Станешь много работать, хорошо зарабатывать. Купишь серьги. Всё.

Высказав это «пророчество», Женя рассмеялся. А у Анюли испортилось настроение.

– Ты прав. Так и будет, – сказала она.

После чего достала из сумочки сигарету и направилась к выходу. Оказавшись на улице, закурила и – словно кому-то назло – убрала назад волосы, открыв уши без сережек.

Неожиданно у нее за спиной раздался голос:

– Вы про меня бог знает что подумаете... Ну и ладно!

Анюля обернулась. Перед ней стоял мужчина лет пятидесяти, невысокий, с хорошей осанкой, в приличном костюме и дорогих очках. Мужчина Анюле, в общем, понравился. Она вернула волосы на прежнее место, закрыв уши. Между тем человек в очках продолжил свой монолог:

– Мог хоть раз поступить, как в кино. Взять – и в мусорку. Не могу! Потому что красота. Не могу красоту в мусорку...

– Вы о чем? – спросила заинтригованная Анюля.

Мужчина достал из кармана овальную коробочку, обшитую черным бархатом. Открыл. В коробочке лежало ожерелье: небольшие острые кристаллы с холодным голубоватым отливом, соединенные толстой нитью белого цвета. Анюле ожерелье понравилось.

– Живые кристаллы, – объяснил мужчина. – Двух одинаковых нет. А нитка – белая сталь.

– Красиво... – заметила Анюля.

– Немцы, – объяснил мужчина. – Если делают – так делают. Сегодня подарить ЕЙ хотел, а завтра уехать. Вдвоем, в Германию. У меня там бизнес, гостиница в горах. А она говорит: «Спасибо, Юрий Сергеевич, но не могу принять, не надо». Я сначала думал, что скромничает. Может, из небогатой семьи, не привыкла. А у нее, оказывается, другой есть, молодой. Я психанул сначала. Потом подумал: зачем девчонке, которую... к которой так отношусь, вечер портить? В чем она виновата? Сказала как есть. Это я дурак, со своими бусами. Вышел на улицу, стою тут сорок минут. Хотел в мусорку. Не могу! Открываю, смотрю – и не могу! Разве можно красоту – в мусорку?

Анюля с удивлением и сочувствием смотрела на мужчину. А он вдруг протянул ей коробочку с ожерельем.

– Мне от вас ничего не надо, – сказал он. – Как звать – не спрошу. Только возьмите.

– Нет, что вы... – покачала головой Анюля.

– Не понравится – выбросите, – настаивал мужчина. – Я все равно не смогу. Это от души. Прошу вас!

Он вновь протянул ей коробочку. И Анюля сдалась. Она медленно протянула руку и взяла ожерелье.

– Тяжелые... – оценила она кристаллы.

– Живые, – напомнил мужчина.

Он бросил коробочку в ближайшую урну и ушел вниз по ступенькам. Анюля с удивлением смотрела ему вслед.

За этой сценой, как и вообще за всем, происходящим в здании вуза и вокруг него, наблюдала группа спецназа. Спецназовцы сидели в обычной торговой фуре, припаркованной неподалеку. По камерам видеонаблюдения они следили за всеми, присутствовавшими на вечере. Видели они и сцену дарения ожерелья. Но она не привлекла их внимания.

Между тем в зале веселье продолжалось. Неожиданно Есения заметила плачущую Лизу Гнедову, которую утешали подруги.

– Что это Лизка плачет? – спросила она у одной из девушек.

– Это все Женька Осмыловский, придурок! – объяснила девушка. – Платье ей задрал при всех! Хотел посмотреть, в трусиках она или без.

– И что? Они у нее были?

– Нет! – ответила девушка. Они с Есеньей переглянулись и неожиданно захихикали...

Есения недолго стояла возле униженной Лизы – Саша увлек ее в дальний конец коридора, где кроме них не было ни души. Парень обнял девушку, поцеловал ее раз, другой... Есения не отвечала на поцелуи, но и не противилась им.

– Я тебя хочу... – выдохнул Саша после очередного поцелуя.

Есения на это только рассмеялась.

– Извини, Санечка, не могу я так... – отвечала она.

– В смысле – ты должна подготовиться?

– Типа того.

– А ты что... – Саша замялся. – Ни с кем еще? Ты еще девочка?

– Ну и что тут такого? – нахмурилась Есения. – Что, по конституции обязательно трахаться? Это не обязательно.

– Да нет... я, вообще-то, тоже... – начал мямлить Саша.

– Тоже девочка?

– Нет, у меня были женщины до тебя! – выпалил парень.

– Да, но я у тебя еще не была. И вряд ли буду, если честно.

– Почему? Я тебе не нравлюсь? – задал Саша самый главный для него вопрос.

– Нравишься, – ответила Есения. – Но ты... слишком хороший. Даже не знаю, достойна ли я тебя.

– Да ладно! Достойна! – отвечал обрадованный Саша, пытаясь снова обнять девушку...

Тем временем Анюля, пройдя через зал, закрыла за собой дверь туалета. Помещение оказалось пустым, и ей это было на руку. Встав перед зеркалом, Анюля достала подаренные бусы и надела их. Оказалось, что бусы сидят почти вплотную к ее шее. Чем больше Анюля глядела в зеркало, тем больше ей нравилось увиденное.

Оставалось застегнуть бусы. Это оказалось не так-то просто: замочек представлял собой два стальных цилиндра, один из которых надо было вкрутить в другой – и все это на ощупь. Однако, немного повозившись, Анюля достигла результата: замочек тихо щелкнул, запираясь.

И в ту же секунду бусы чуть сильнее сжались на шее девушки. Это слегка удивило Анюлю. Она взялась рукой за бусы, чтобы немного их растянуть. В этот момент раздался новый щелчок, и бусы еще стянулись. Теперь кристаллы уже впивались в кожу. Перепуганная Анюля двумя руками схватилась за душное ее украшение и бросилась вон из туалета...

В зале гремела музыка, было весело, поэтому вначале никто не обратил внимания на Анюлю – с выпученными глазами, почти падая, держась обеими руками за шею в попытке сдержать неумолимую удавку, девушка выбежала на середину зала, упала и забилась в конвульсиях. Только тогда раздались крики. Выпускники кинулись к теряющей сознание Анюле, но никто не решался подойти близко.

В толпе выпускников, окруживших упавшую на пол девушку, стоял человек в очках – тот самый, что подарил ей ожерелье. Не отрываясь, он смотрел на агонию Анюли. Лицо его выражало возбуждение, даже наслаждение, близкое к оргазму.

Анюля в последний раз выгнулась в напряжении – и застыла. Под ее головой медленно растекалась лужа крови. Убийца в очках встретил ее смерть усталой и счастливой улыбкой...

Распахнулись двери, в зал вбежали спецназовцы, дежурившие в фуре – они увидели происходящее на мониторах. По всем коридорам забегали люди в масках и с автоматами, отыскивая уединившиеся парочки и выводя их в зал. Вывели и Есению с Сашей. Так Есения узнала о смерти подруги. Она не плакала – только в оцепенении смотрела на лежащее на полу тело, не отводя глаз.

Внезапно из усилителей, через которые к участникам вечера обращался диджей, раздался чей-то голос, доверительно произнесший странные в этой обстановке слова:

– Ты показал им. У тебя получилось! Ты им показал!

Все, находившиеся в зале – выпускники, спецназовцы, все – стали осматриваться, лица человека, который завладел микрофоном диджея и сейчас говорит. Но человека не было видно – должно быть, он отошел куда-то в тень. А голос, усиленный динамиками, продолжал раздаваться, казалось, со всех сторон.

– Ты показал им! Ты показал!

И тогда убийца откликнулся. Вначале он тихо произнес всего одно слово:

– Показал...

Голос в усилителях продолжал подбадривать:

– Она так, а ты тогда – так!

– Да! – уже громче ответил ему убийца. – Она так, а я тогда – так!

На него уже оглядывались, его заметили. Но сам он не замечал общего внимания, увлеченный разговором с невидимым собеседником.

– Ты показал им! – торжествующе заключили динамики.

– Я показал! – согласился мужчина в очках.

Спецназовцы уже обратили на него внимание и начали незаметно окружать.

– Но ты устал... – сочувственно произнес голос из динамиков.

– Да, я устал... – вздохнул убийца.

Тут же к нему устремились спецназовцы, скрутили, надели наручники и вывели из зала.

– Все свободны, – объявил собравшимся командир группы захвата. – Данные только запишем – и можете идти.

Выпускники потянулись к выходу. А Есения устала на лежащий на диджейском пульте микрофон. Кто его туда положил? Когда? Кто этот невидимка, только что на ее глазах разоблачивший преступника?

В это время в УВД Москвы уже начался допрос «праздничного убийцы» – того самого мужчины в очках, совершившего за последние недели ряд громких преступлений на разного рода массовых мероприятиях. Человек, разоблачивший и поймавший убийцу, сидел напротив него. Сыщика звали Родион Меглин, и это имя уже стало легендой в прокурорских и полицейских кругах.

– Ты устал... – произнес Меглин голосом, полным понимания и сочувствия.

– Да, устал, – согласился мужчина в очках.

– Ну ничего. Сейчас поговорим, и в тюрьму поедешь, ладно? – пообещал Меглин.

– Ладно, – с готовностью кивнул убийца.

– Скажи, серьги, которые в субботу и в воскресенье в людей стреляли, и сегодняшние бусы – ты всё сам сделал?

– Сам.

– Молодец. А парень какой из себя?

– Какой парень?

– Который слова тебе написал, что ты девочкам говорил. Он тоже молодец. Оба молодцы, и он, и ты. Так какой он из себя?

– Красивый.

– А зовут как?

– Ты меня не поймашь.

Меглин не спешил задать следующий вопрос: ждал, не добавит ли убийца еще что-то. И он добавил:

– Он сказал – ты спросишь, как зовут. Сказал: «Ты меня не поймашь». Так зовут.

– Хорошее имя, русское, – одобрил Меглин. – Я к тебе приеду в тюрьму. Вещь одну хочу сделать, а руки не доходят. А у тебя руки золотые.

– Сделаем, – с готовностью кивнул убийца.

Выпускники, притихшие, подавленные, расходились после испорченного вечера. Один Женя всем своим видом демонстрировал, что для него ровно ничего не случилось. Он налил себе полный бокал шампанского, а пустую бутылку поставил возле красивых голых ног одной из однокурсниц. Спутник девушки, рослый парень, оттер его плечом и процедил:

– Что ты за человек?! Однокурсницу твою убили, а ты...

– Да пошел ты! – заорал Женя, отталкивая обидчика. – Правозащитник! Жопозащитник, вот ты кто! И будешь всю жизнь, понял?!

К нему устремились двое полицейских, пытаясь увести в сторону. Однако Осмыловский от этого завелся еще сильнее и заорал на них:

– Руки убери, Шварценеггер недокачанный! Звездочки потеряешь! Руки, сказал! Сам уйду, когда захочу!

И, повернувшись к бывшим однокурсникам, провозгласил:

– Юристы! Будущие толстые жопы России! Копайтесь в своих бумажках!

– А ты в чем копать будешь? – ответил ему один из парней. – В какашках? Папочка-генерал разрешит?

– Да лучше в говне, чем в бумажках прокурорских! – еще громче закричал Женя. – Я как Меглин буду – видели? Он за пять минут его расколол, на чистой психологии!

И, высказав все, что хотел, неторопливо удалился. Есения задумчиво смотрела ему вслед. К ней подошел Саша.

– Знаешь, у меня родственники сегодня уехали, – немного смущаясь, сообщил он. – Так что можно... Если хочешь, конечно...

– Что ты говоришь? – рассеянно спросила Есения. – А, да. Можно.

Однако она имела в виду совсем другое...

Спустя пару часов Есению Стеклову можно было увидеть в квартире... Жени Осмыловского. И она здесь не чай пила: оседлав хозяина квартиры, она азартно, со стонами и криками, заканчивала древний, как сам мир, процесс соития. Кончив, она, не говоря ни слова, встала и отправилась в ванную. Женя сел на кровати, закурил и неторопливо начал готовить на тумбочке пару дорожек кокса.

– Угощайся! – предложил он партнерше, когда она вернулась из ванной.

– Спасибо, мне и так хорошо, – отвечала Есения.

– Не за что. На моем месте так поступил бы каждый, – издевательски заявил Женя. – Не хочешь, мне же лучше. Или хуже...

И он так же неторопливо объединил две дорожки в одну.

– Сволочь я... – задумчиво произнесла Есения.

– Почему? – спросил Женя. – Нет, я согласен, просто интересно...

– Мне было хорошо, и я забыла про Анюлю, – объяснила Есения. – Мы четыре года дружили! И вот ее убил гад какой-то, а я тут лежу, и мне хорошо.

– Ну, не ты же ее убила, – пожал плечами Женя. – И потом, правосудие вроде свершилось. Ура! Быстро он его.

– Кто «он»?

– Меглин, – объяснил Женя. – Вот у кого надо было учиться, а не на юрфаке тухлом.

– Откуда ты знаешь, что это он его взял?

– Батя сказал. Это ведь уже третье убийство на выпускном. Они везде кордоны поставили, ждали. С первыми двумя он знаешь что сделал, Кулибин этот? Серьги подарил. Шарик такие, типа «Сваровски». И в каждом – грамм по десять тротила. В кристаллах. Телочки серьги надели, и... от голов только пломбы остались. Такими делами, от которых у других следаков памперсы мокнут, только Меглин занимается.

– Он что, спец по маньякам?

– Спецов полстраны, – пренебрежительно обронил Женя. – А Меглин один.

– И чем он так крут?

– У него раскрываемость – восемьдесят процентов! Как он их находит – никто не знает. О нем вообще никто ничего не знает, зашифрован наглухо. По бумажкам – обычный майор. А реально и на ментов, и на ФСБ клал с прибором. В генеральские кабинеты двери ногой открывает.

– Это к кому? К отцу твоему?

– И к твоему тоже, – заверил Женя. – Батя говорит, Меглин вообще не прикреплен ни к кому конкретно. В отделе кадров даже дела его нет. Папка есть, а внутри пусто. Ни анкеты, ни фотки, ничего! Я думал, он в Липецке, душителя ловит, а он здесь...

– Какого душителя?

– Липецкого. Не слышала? Телочек шнурком душит. Последнюю, прикинь, на остановке, прямо при людях. Задушил, сел в троллейбус и уехал. А чего стесняться? Врубиться только не могу, в чем здесь прикол.

– В смысле?

– Ну, прикольно разве убивать тех, кого не знаешь? Ты бы смогла?

– Одного – точно, – ответила Есения. Ответила тихо, лишь самой себе. А у Жени спросила:

– А как его найти, этого Меглина?

– Никак, – отвечал Женя. – Появляется где захочет – и тут же маньячок брюхом вверх всплывает.

– Он их что, убивает?

– Фигачит, как сачком! Метод у него. Я батю спрашивал: что за метод? Никто не знает. МЕТОД – и все.

Высказав эту мысль, Женя склонился над дорожкой кокаина.

– А знаешь, Анюля тебя не любила, – неожиданно заметила Есения.

– О да! Я от этого очень страдал! – издевательски протянул Женя.

– Она говорила, ты снаружи ничего, а внутри пустой.

– Да я и снаружи не полный, как думаешь? – усмехнулся Женя.

– Я про тебя не думаю, – сказала Есения, одеваясь.

– Ты куда? Спешешь к своему рыцарю печального образа?

– Саша хороший. У него душа есть.

– А у меня нет?

– А у тебя вместо нее член, – сообщила Есения. – Пока!

Следующее утро Есения посвятила тому, что просматривала все известные ей сайты, посвященные серийным убийцам. Кое-какой материал в Интернете имелся. Теперь следовало проверить его по материалам расследований. И она отправилась в архив МВД.

Сотрудница читального зала приветствовала ее, как добрую знакомую:

– Есения, поздравляю!

– С чем, Елена Васильевна?

– С окончанием, конечно! Что, только закончила, и опять за учебу? В аспирантуру поступила? Папа, наверное, гордится!

– Папа гордится, – подтвердила Есения. – А учеба – как наркотик. Втянешься – и все.

– И что интересуется молодого юриста?

– Дела, – небрежно ответила Есения. – Вот список.

Елена Васильевна взяла у девушки листок, взглянула на него... и в некоторой растерянности подняла глаза на посетительницу:

– Эти дела были в разработке у Меглина...

– Ну да, – спокойно подтвердила Есения. – Я пишу про его метод.

– Но это закрытые дела, твой папа должен знать...

– Он знает, – заверила Есения. – Сказал, можно на него оформить. Я же переснимать не буду, только почитаю.

Сотрудница архива ушла, а к девушке неожиданно подошел Саша Тихонов.

– Привет! – радостно воскликнул он. – Ты чего пропала? Сказала, что позвонишь, я ждал...

– Ты откуда здесь? – спросила Есения.

– В аспирантуру поступаю! – отвечал Саша. – Ты тоже, что ли?

– Нет... – замялась девушка. – То есть... да!

В это время вернулась Елена Васильевна.

– Извини, Есения, дела на руках, – сообщила она.

– На руках? У кого?

– Не могу сказать.

Есения сделала вид, что вовсе не расстроена. Поблагодарила Елену Васильевну, попрощалась с Сашей и вернулась к своей машине.

Едва она вырулила со стоянки, как раздался писк мобильного телефона. Звонил папа-прокурор.

– Привет, папа! – бодро приветствовала его Есения.

– Привет, – ответил прокурор. – Чем занимаешься?

– Передвижением по планете.

– Понятно. У меня к тебе просьба. Не бери в архиве закрытые материалы от моего имени, ясно?

– Молодец Елена Васильевна, стукнула! – отозвалась Есения.

– Зачем тебе дела Меглина?

– Надо. Я хочу у него работать.

– Это исключено! – ледяным тоном произнес прокурор.

– Почему?

– Поговорим дома, сейчас у меня совещание, – ответил отец. – Куда ты, кстати, направляешься?

– Прости, не могу говорить, у меня тоже совещание! – зло ответила Есения и отключила телефон.

А прокурор Стеклов, сидя в своем пустом кабинете (участники совещания еще не были), помолчал немного, обдумывая только что состоявшийся разговор с дочерью, и набрал номер одного своего знакомого. После обмена приветствиями прокурор сказал:

– Слушай, насчет Есени. Спасибо тебе, но не получается. Да нет, она-то хочет, просто климат питерский переносит плохо. Аллергик, в меня. Слушай, а мы можем что-нибудь подальше подобрать? Да хоть куда! Скажем, Новосибирск, Тюмень...

Едва прокурор успел завершить разговор, как дверь открылась и в кабинет решительно вошла Есения.

– Ты как сюда попала? – нахмурился Стеклов.

– Ты мне сам пропуск сделал, не помнишь? Смотрю, совещание в разгаре...

– Мы же договорились дома все решить!

– А я уже решила! – заявила Есения. – Я хочу к Меглину в стажеры.

Прокурор набрал было полную грудь воздуха, чтобы высказать дочери что-то резкое, потом с шумом выдохнул и негромко произнес:

– Дверь закрой.

Удивленная отцовским тоном, Есения послушно закрыла дверь.

– Что ты знаешь о нем? – спросил прокурор.

На этот вопрос у Есени ответ был готов:

– Знаю, что он лучший!

– А еще?

Последовало продолжительное молчание.

– Ты не думала, что, если о человеке мало известно, это неспроста?

– Он спец по серийщикам! – выпалила Есения. – Он нашел убийцу Анюли за пять минут!

Я хочу с ним работать, и ты знаешь, почему...

– Я сказал – тема закрыта! – наконец взорвался прокурор.

– А если он жив? – настаивала дочь. – И ходит по земле? До сих пор! Эта мысль тебя не беспокоит?

– Нельзя жить ради мести!

– Это не месть! Правосудие!

– А Меглин – не правосудие! Послушай меня хоть раз... Стажеров к себе он отроду не брал. Тем более соплячку, студентку вчерашнюю. Он отшивал следаков с десятками дел за плечами! Меглин работает один! Всё, точка!

Здесь прокурор сделал паузу и продолжил уже мягче:

– Не нравится тебе Питер – ладно. Хочешь грязь месить – пожалуйста. В новосибирском убойном есть место. Следователь-стажер. Сибирь, реальная работа. Лететь завтра.

К такому повороту Есения не была готова; она не знала, что сказать. Видя, что полдела сделано, прокурор деловито посмотрел на часы и заявил:

– Иди, подумай. А то у меня и правда совещание.

И тут все отцовские усилия, все хитроумные построения рухнули в один миг. Дверь открылась, и в кабинет практически ввалился секретарь, которого толкал в спину посетитель. Секретарь успел только пролепетать:

– Андрей Сергеич, Меглин...

И тут вошел сам Родион Меглин – в мятом костюме, несвежей рубашке, взлохмаченный. Он рассеянно поздоровался с прокурором, затем пристально взглянул на Есению. А она самым бодрым, «из телевизора» голосом отчеканила:

– Здравсьте! Есения Стеклова. Окончила юридический с отличием. Стажером возьмете?

Легендарный следователь посмотрел на нее ничего не выражающим взглядом и неожиданно произнес:

– Стажером? Да, хорошо.

И прокурора Стеклова, и саму Есению этот ответ просто поразил. Не успели они оправиться от изумления и что-то сказать, как в дверь вновь просунулся секретарь и сообщил:

– Андрей Сергеич, все в сборе!

Меглин вышел из кабинета, Есения поспешила за ним...

Когда Есения в своем рассказе дошла до этого момента, следователи переглянулись, и Седой спросил:

– Так просто? Вас это не удивило?

– Ну, вы же знаете, у него были свои причины, – ответила Есения.

– *Теперь знаем...*

– *А тогда я была слишком потрясена, чтобы об этом думать. Он мог помочь мне. Он был легендой!*

В коридоре девушка догнала Меглина.

– Извините, а можно ваш телефон? – попросила она. – Ну, договориться о стажировке...

– У меня нет телефона, – ответил легендарный следователь и скрылся в зале для совещаний.

В вагон пригородной электрички на вокзале Липецка заходит девушка лет шестнадцати-семнадцати. Обычная девушка – с рюкзачком (на нем на шнурке болтается брелок-игрушка), с наушниками в ушах... из толпы ее выделяет лишь одно: глаза у девушки заплаканные. Но никто из пассажиров в вагоне не обращает на это внимания. Кроме двоих, вошедших последними: мужчины лет пятидесяти, по виду – типичного дачника в штормовке и с большой сумкой, и девочки лет пятнадцати, тоже с наушниками в ушах. Заходят они вместе, а садятся порознь: «дачник» в начале вагона, у входа, а девочка идет дальше и устраивается напротив девушки с заплаканными глазами.

Когда поезд трогается, девочка показывает пальцем на наушники своей соседки: мол, что слушаешь? Та не отгораживается глухой стеной, и вскоре девушки уже шепечут, как давние подруги.

– Если ты из дома сбежала, тебе не по фигу, где ночевать? – говорит та, что помоложе. – Я до среды одна, давай ко мне!

Девушка с заплаканными глазами кивает, соглашаясь. Впрочем, ее слезы к этому моменту уже высохли...

Электричка подъезжает к станции, и девушки выходят на перрон. Вместе с ними, среди других пассажиров, выходит и «дачник».

Все прибывшие дружно двигаются в одну сторону, но девочка, которая «до среды дома одна», ведет свою новую подругу в противоположном направлении, через лес. За ними, шагах в тридцати, следует «дачник»...

Девушка, сбежавшая из дома, замечает его. Оборачивается раз, другой, потом останавливается и говорит новой подруге:

– Знаешь, я не пойду. Передумала.

– Из-за него, что ли? – удивляется гостеприимная девочка, указывая на мужчину с сумкой. Затем, не делая паузы, шагает к нему:

– Дяденька, не обижайтесь, а можно вас попросить вперед пройти? А то моя подруга боится...

«Дачник» улыбается, кивает и с готовностью направляется вперед по тропинке. Проходя мимо девушки с рюкзачком, он внезапно обхватывает ее голову, зажав рот, а «гостеприимная девочка» вцепляется в ноги жертвы. Вдвоем они тащат девушку с рюкзачком глубже в лес. Та пытается сопротивляться, но, получив неожиданно жесткий удар в солнечное сплетение от «новой подруги», всхлипывает от боли и обмякает.

Мужчина с девочкой подтаскивают безвольную жертву к дереву, сажают на землю. «Дачник» подсаживается к ней поближе – и в этот самый момент из-за деревьев выбегает доберман с выражением любопытства на морде. Собака громко лает. Издалека откликается ее хозяин:

– Сарделька, дура, ты где?

Через несколько секунд хозяин, привлеченный лаем собаки, подходит. Это крепкий мужчина в военной куртке. Он с удивлением видит девушку, сидящую на земле, свою собаку рядом – и никого вокруг...

Спустя полчаса девушка в сопровождении мужчины с собакой идет по поселку. Она уже снова справилась со слезами и даже пробует улыбаться. Собачник ее убеждает:

– Ты же их в лицо видела! Это не шутки! Идем в полицию, заявление напишешь. Мы тебя проводим, туда и обратно.

– Нет, я лучше с папой схожу, завтра, – упрямо отвечает девушка.

– Ну смотри... – качает головой собачник.

– Спасибо вам большое! Я дальше сама дойду! – говорит девушка.

– Нет уж, давай я тебя до дома провожу, – настаивает собачник.

Но в это время Сарделька вдруг поворачивается и пулей кидается в кусты. Оттуда раздается жуткий ор кота.

– Сарделька! Да что за зараза такая! – кричит мужчина и устремляется за четвероногим другом. На бегу он бросает девушке:

– Я сейчас! Секунду!

Однако девушка не собирается ждать своего спасителя. Силуэт мужчины только что скрылся из виду, а она уже идет по направлению к своему дому. Дом недалеко, дорожка хорошо освещена. Правда, кусты с двух сторон растут – так что ж тут страшного? Еще несколько метров, знакомый поворот... Что это – шорох в кустах? Девушка оборачивается, но поздно. Крепкие руки сдавливают ей шею, сильный удар под дых лишает сознания.

Дорожка пустеет. Вернувшийся мужчина с собакой оглядывается, пожимает плечами и уходит к себе. В кустах раздается чей-то хрип – и всё замирает...

Утром участок возле дома жертвы оцеплен полицией. Над телом убитой склоняется эксперт. Снимая перчатки, сообщает следователю:

– Удавлена шнурком. Судя по почерку, наш знакомый «дачник». Это какая по счету, восьмая?

– Девятая, – мрачно поправляет следователь.

Стеклов и Меглин сидели в кабинете прокурора. После долгой паузы, сдерживая злость, прокурор спросил:

– Зачем ты ее взял?

Следователь помолчал какое-то время, потом ответил:

– Пора, Андрюш.

– Что – пора?

– Передавать ценный опыт. Это наш долг, разве нет?

– Тебе пободаться больше не с кем? Только со мной? – спросил прокурор, постепенно накаляясь.

– Знаешь, я смотрел фильм про оленей, – ответил Меглин. – У них, если один встречает другого, они бодаются. Часами могут! Фестивали устраивают: собираются кучей, и давай бодаться. Но если в этот момент на них нападет волк – все разбегаются в разные стороны. Не понимаю...

– Чего?

– Почему они его не забодают? Их же много, а волк один!

Прокурор пожал плечами и взглянул на стол. Там лежала папка – старое уголовное дело.

– Если она начнет копать... – медленно произнес он. – Ты же тогда не будешь...

– Ты плохо выглядишь, Андрюш, – неожиданно произнес Меглин. – Семейные тайны старят. А она молодец, дочка твоя. Шустрая. И имя красивое. Оля придумала? Она ведь выдумщица была...

Прокурор из последних сил сдерживает себя, чтобы не сорваться, не наговорить лишнего. Меглин поднимается, кивает:

– Пойду я, Андрюш...

На следующий день Есения сидела в одном из московских кафе. Она ни с кем не договаривалась о встрече и была удивлена, когда к ее столику неожиданно подошел Саша Тихонов.

– Саня? Ты меня что, преследуешь?

– Нет, что ты! Просто я сюда часто...

– Понятно. А я редко.

– Слушай, – сказал Саша, садясь напротив девушки, – я тогда на выпускном хотел тебе сказать...

– Ой, нет, Саня, только не это, умоляю! – скривилась Есения.

– Ты же не знаешь, что!

– Да я по глазам твоим вижу! Ты меня любишь – угадала? И на этом сомнительном основании ты бы меня с радостью трахнул!

На Есению с удивлением обернулись женщины, сидевшие за соседним столиком. Она это заметила, в свою очередь уставилась на них и с вызовом произнесла:

– Тетеньки, вы же знаете жизнь, я что – не права?

Соседки не намеревались вступать с ней в дискуссию. А Саша не отставал:

– Я другое хотел сказать! Я тоже решил, как ты.

– Что – как я?

– Хочу, как ты, в следователи!

– И охота тебе грязь месить? – скривилась Есения. – Не твое это, Сань. Ты слишком...

– Хороший... – с тоской закончил Саша.

В это время в кафе вошел коренастый мужчина лет сорока, простоватого вида, со слуховым аппаратом на ухе. Подойдя к столику Есени, он негромко сказал:

– Есения Андреевна? Я от Меглина. Готовы ехать?

Спустя минуту машина уже увозила Есению от кафе.

Глава 2

Если проиграл бой демонам, прежде чем умереть, помоги нам.

Метод

Центр Москвы остался далеко позади. Машина, которую вел Глухой, въехала на территорию заброшенного завода. Поколесив по территории, остановилась у одного из цехов. Глухой открыл дверь, пропустил Есеню внутрь и зашел сам.

Пустое и гулкое помещение бывшего цеха оказалось архивом Меглина. Все стены увешаны фотографиями. Вот те, кому не повезло встретить «липецкого душителя»: на шеях отчетливо видны следы от удавки. Рядом – другие жертвы маньяков. Мертвые, иногда окровавленные лица. А еще – крупно снятые детали одежды, обуви, других предметов, принадлежавших убитым: брелоки, часы, телефоны, украшения...

– Меня зовут Влааа-димир, – с трудом произнес Глухой. – Сааа-дитесь...

Сидя в комнате для допросов, Есения вспоминала:

– Он так говорил. Как глухие. Потом оказалось, что он и правда глухой.

– И что же он сказал? – поинтересовался Седой.

– Он взял с меня подписку о неразглашении материалов, связанных с работой майора Меглина.

– Каких материалов?

– По делу «дачника-душителю». Это были первые дела, которыми мы занимались вместе. Этот Дачник за два года убил девять девушек в возрасте от четырнадцати до двадцати лет. Всех задушил инжурком. Действовал дерзко, иногда при свидетелях. Его приметы впервые описала Саша Хомутова. Она смогла вырваться. Дело было так. Она отдыхала на даче. Встретила мужчину с молодой спутницей. Испугалась и побежала. Они за ней. Но Хомутова с пяти лет занималась легкой атлетикой. Дачник отстал почти сразу, его спутница потом. Хомутова пришла в полицию. По ее описанию, у спутницы маньяка было проколото ухо в четырех местах. Да и выглядела она странно. Лицо красивое, но жесткое. Эту девушку считали погибшей, а оказалось, что она жива. Ее мать опросили первым делом, но она ничего не знала.

– Как Меглин объяснил их связь? – спросил Седой.

Есения усмехнулась:

– Просто. Любовью...

Был уже поздний вечер, когда Есения вернулась домой. Это был уже шестой день ее работы у Меглина. И этот день не принес ничего нового. Девушка выглядела усталой и разочарованной.

Войдя в квартиру, она заметила, что дверь в кабинет отца приоткрыта и там горит свет. Есения осторожно открыла дверь и заглянула. Прокурор сидел за столом, закрыв лицо руками. Перед ним лежала папка со старым делом, рядом – фотография жены с семилетней Есеньей.

– Привет! – негромко сказала дочь.

Прокурор отнял руки от лица, улыбнулся и первым делом закрыл папку.

– Стал работу на дом брать? – спросила Есения.

– Пришлось, – сухо ответил отец.

– Говорят, если у кого-то появились новые привычки, значит, в его жизнь вошел новый человек, – заметила Есения.

– Или вернулся старый. Как день прошел?

– Интересно и волнующе, как и пять предыдущих, – на лице девушки появилась гримаса. – Сидела десять часов за столом и читала бумажки. Я настоящую работу себе по-другому представляла.

С этими словами она вошла в кабинет и сделала шаг к столу. Отец заметно напрягся, загородил папку руками. Это удивило Есению.

– Можно посмотреть? – спросила она.

– Зачем?

– Интересно.

– У нас не принято читать чужие материалы.

– «У нас» – это где? В семье?

– В профессии, – сухо произнес прокурор.

– Буду знать, – с вызовом ответила Есения. – Это дело мамы?

Вместо ответа прокурор убрал папку в ящик стола и запер его на ключ. А когда поднял голову, дочери в кабинете уже не было...

Закончился еще один день Есениной «стажировки». Закончился так же, как все предыдущие: Есения весь день сидела в брошенном цеху, листала папки с делами маньяков. Успела поговорить по телефону с Женей Осмыловским, похвастаться интересной работой. Выпила несколько чашек кофе. Но вот Меглина она в этот день опять так и не увидела.

Захлопнув последнюю папку, Есения встала, прошлась по комнате. Из угла на нее, не мигая, смотрел круглый глаз телекамеры. Есения скорчила глазу рожу, а потом показала «фак».

Дверь в углу приоткрылась. Должно быть, Глухой собирается, как обычно, отвезти ее домой. Не скрывая раздражения, девушка резко произнесла:

– Спасибо, сегодня машину не надо! Прогуляюсь хоть, а то уже тошнит от этой комнаты! И от бутербродов с сыром, и от вашего Меглина тоже!

В этот момент дверь распахнулась. За ней стоял Меглин. Коротко взглянул на Есению и буркнул:

– Идем.

Они вышли наружу. Меглин бросил девушке связку ключей:

– Я в туалет. В машине жди.

И ушел. Есения свернула за угол, и... При виде машины на ее лице отразилось недоумение. Это была грязная и помятая «Волга» старой модели. А на связке, которую ей кинул Меглин, девушка обнаружила множество ключей – но брелок центрального замка отсутствовал.

Есения с трудом подобрала ключ, открыла машину. Тут ее недоумение стало еще сильнее. В салоне царил хаос: множество смятых сигаретных пачек, каких-то бумажек, зажигалок, старых журналов... Но еще больше Есению поразило то, что она увидела в боковом зеркале. Меглин, остановившись в нескольких метрах от машины, вытряхнул на ладонь несколько таблеток, проглотил и обильно запил какой-то жидкостью из плоской фляжки, после чего сел за руль.

– Вы что – пили? – подозрительно спросила Есения.

Следователь не ответил. Завел мотор, и они поехали.

Есения не могла не заметить, что ее руководитель выглядит, словно пьяный – так, будто он вот-вот заснет за рулем. Заметив ее недоверчивый взгляд, Меглин спросил:

– Что?

– Ничего, все хорошо, – поспешно ответила Есения. А про себя пробормотала:

– Предлагали же в Питер...

Спустя какое-то время она решилась задать вопрос, который уже несколько дней вертелся у нее на языке:

– Скажите, как вы вычислили гада, который убил мою подругу?
– Очки, – коротко бросил Меглин.
– Что – очки?
– Очки у него были дорогие, – пояснил следователь. – А лицо – нет.
– Очки дорогие, лицо – нет... – повторила Есения. – Это что, дедукция?
– На труп остальные в толпе по разу посмотрели и больше не стали – страшно, – монотонно, невыразительным голосом продолжал Меглин. – А он смотрел, глаз не отводил. Не страшно ему было, приятно.

– Ясно. И психоанализ, значит, – подытожила Есения.

Меглин коротко взглянул на девушку и подтвердил:

– Да. Всё в глазах.

– Еще и телепатия! Круто! – произнесла Есения с усмешкой.

Меглин снова заговорил – не глядя на девушку, негромко, словно сам с собой:

– Алексей его зовут, Алексей Журавлев. Механик и ювелир. Это он – «праздничный убийца», убивал девушек на выпускных. От него жена ушла. Любил ее, как положено, а она ушла. Почему? А потому что у него в карманах руки золотые, а копейки – медные. Получал мало. А она красивая, а это расходы. Она ему сказала: «Прости, я полюбила». Он в слезы: «Как это – полюбила?! Ах ты, сволочь!» – «Ой, Алеш, давай без скандала!» Он переживал, спать не мог. Ночью придумал, утром чертеж набросал и серьги сделал. Яд в кристаллах. Серьги надел – через день умер. Пришел, подарил. Сказал: «На память». Ну и все, жены бывшей нет. А спать все равно не может, в голове будто щекотка. А если щекотка – как спать?

А тут появился этот, вежливый. «Знаю, – говорит, – какой ты мастер; у меня нюх на таланты. А ожерелье сможешь сделать?» – «Смогу». – «Но мало ведь сделать, надо еще подарить. И так, чтоб не первую встречную, а ту, что заслужила, как жена твоя бывшая, самка продажная». – «А как узнать, которая заслужила?» – «А я подскажу. И слова, какие надо сказать, чтобы взяла, напишу на бумажке. Выучишь, и как диктор, слово в слово, потому что сам ты как дите с отставанием в развитии, в Калуге родился, батя алкаш. Но ничего, отрепетуришь, заодно в развитии нагонишь. А что очки у тебя на шурупчике и изоленке, так я куплю – и очки, и костюм». Грамотный парень, ничего не забыл...

– Вы хотите сказать, их двое было? – спросила Есения, с трудом выудив главное из этого монолога. – Тот, кого взяли, только делал эти... изделия? Был другой, кто указывал, кому дарить и что говорить при этом? Сообщник?

– Разве кукла на пальце и палец – сообщники? – заметил на это Меглин.

– Но... почему вы его не взяли?

– А как его возьмешь? Он все делает правильно. Не сам. Чужими руками. «Ты меня не поймал»... Молодец...

За этим разговором Есения не сразу заметила, что они уже выехали из Москвы. Не заметила она и другого – что после Москвы их обогнала машина Глухого и пошла впереди.

Они ехали несколько часов и наконец въехали в областной центр, расположенный южнее столицы. По дороге Меглин купил в магазине дешевый торт и бутылку вина. Поколесив по улицам, он остановил машину у старого дома и вышел. За ним, не дождавшись приглашения, вышла Есения. Они поднялись на второй этаж, Меглин позвонил в дверь. Им открыла женщина лет шестидесяти, с красивым бледным лицом, обрамленным ухоженными седыми волосами. Увидев Меглина, она радостно воскликнула:

– Родик!

– Софья Зиновьевна, как вы? – отозвался Меглин.

Не ответив, женщина жестом пригласила их в квартиру. В коридоре к гостям подбежал миттельшнауцер, такой же старый, как его хозяйка.

– Берт жив еще? – удивился Меглин.

Женщина пояснила, обращаясь к Есене:

– Ему пятнадцать. У нас это подросток, а у собак – глубокий старик. Знаете, какая умница? Берт, сдохни!

Берт упал на пол, вытянулся и застыл. Хозяйка и Меглин при этом захохотали, Есения кисло улыбнулась.

Прошли в гостиную. Меглин передал хозяйке торт и вино, плюхнулся в кресло и, показав на Есению, объявил:

– Знакомьтесь, Софья Зиновьевна: Есения, дочь моя. Похожа?

– Лоб твой, – ответила хозяйка, взглянув на девушку. – Имя красивое. Это в честь Есенина?

– Ага, – кивнул Меглин. – Есень, я тебе сто раз рассказывал: это Софья Зиновьевна, моя любимая учительница.

– Да, да, – кивнула хозяйка. – Русский язык и литература... Будем пить чай?

– Почему чай? Вино! – воскликнул Меглин. – Красное, вы же любите!

Повернувшись к Есене, Софья Зиновьевна развела руками:

– Конечно, нехорошо учительнице в этом признаваться, но мы же не в школе!

– А вы так и работаете, не надоело? – спросил Меглин.

– Конечно, надоело; конечно, работаю! – рассмеялась учительница. – Ты же знаешь, Родик, школа как цирк: раз пришел, всю жизнь под куполом. А ты что, пишешь? Так же, про спорт, или как?

– Про спорт надоело, – заявил Меглин. – Пишу про звезд. Интересно, и платят хорошо.

– Журналист, конечно, не то что учитель, – вздохнула Софья Зиновьевна. – У нас двадцать пять лет одно и то же. А у тебя один день не похож на другой, да?

– Все разные, – с важным видом кивнул Меглин.

Есения слушала этот диалог с растущим недоумением. Дело было не только в том, что Меглин скрыл от Софьи Зиновьевны свою профессию. Было еще что-то, какая-то фальшь, которую она чувствовала, но не могла понять...

Между тем Меглин разрезал торт, откупорил вино, разлил его по бокалам. С пафосом провозгласил:

– За учителей! За вас, дорогая Софья Зиновьевна!

– Спасибо, что не забываешь, Родик! – ответила учительница. – За учеников тоже!

Видно было, что она растрогана.

Выпили. Кивнув на Есению, Меглин произнес:

– Молодежь нынче – ну, не знаю... Мы были не такие. Настолько пустые все сейчас! Не люди, а аксессуары. И проблемы у них аксессуарные.

– Да, Родик, ты прав, – отозвалась Софья Зиновьевна.

– Вот даже Есенчик, – продолжал Меглин. – Знаете, из-за чего волнуется? Прости, но я скажу. Дескать, грудь маленькая. Мол, не модно. Скажите хоть вы ей!

Есения пошла красными пятнами, с удивлением взглянула на следователя, но стерпела. А Софья Зиновьевна принялась объяснять:

– Девочка моя, во все времена большие груди нравились солдатам. А маленькие – поэтам! Маленькую женскую грудь ценили Гёте, Вийон, Блок... Насчет Пушкина не могу утверждать однозначно, в обществе в то время, как вы знаете, было принято почти оголять грудь, подчеркивать корсетом, но он ценил маленькие ножки, и я думаю, что и маленькую грудь тоже считал, скорее, достоинством...

– Я тебе говорил! – победно заявил Меглин, обращаясь к Есене. – А ты стесняешься.

И тут же, без перехода, спросил, повернувшись к учительнице:

– Ну, как вы, дорогая? Без барбамила сколько уже?

– Три года, – ответила Софья Зиновьевна. – Жива, как видишь. Конечно, звало иногда... Но держусь. Тебе спасибо.

И они с Меглиным с нежностью взглянули друг на друга. Есения уже окончательно потеряла нить беседы и ничего не понимала.

Меглин разлил из бутылки остатки вина. Учительница, разглядывая свой бокал, неожиданно сказала:

– Заезжай, Родик. Мне так иногда бывает...

– Мне тоже, – серьезно сказал Меглин. – Ну ничего. За наших?

Когда допили вино, Меглин распорядился:

– Есень, принеси чашки. В комнате, в серванте. Чайку попьем на прощание.

Когда девушка вышла, Меглин спросил, как бы между делом:

– Славика не видели?

– Ой, нет, Родик, давно. Зимой приезжал, я ему пояс от ревматизма подарила, с тех пор не видела.

В соседней комнате Есения нашла сервант, достала чашки и уже собралась уходить, как вдруг обратила внимание на стену рядом с сервантом. Всю ее занимали школьные фотографии – сотни лиц учеников разных лет. Приглядевшись, девушка заметила одну деталь: у некоторых учеников были тушью нарисованы тонкие нимбы над головами, а глаза проколоты иголкой...

...Допивая чай, Меглин вдруг сказал:

– Вообще вы, учителя, нас в детстве обманывали. Вы нам что говорили? «Учись на отлично, и все у тебя в жизни будет хорошо, будешь в первых рядах». И что? Сейчас в первых рядах кто? Двоечники! Везде. Цивилизация двоечников...

– Родик, мы не обманывали! Мы сами верили! – воскликнула Софья Зиновьевна.

И оба рассмеялись.

– Ну, спасибо, – сказал Меглин, поднимаясь из-за стола. – Дочке завтра на экзамен.

– Заходите еще, когда будете рядом... – попросила учительница.

Когда вышли на улицу, Есения спросила:

– Вы что, у нее учились?

– Все мы друг у друга чему-то учимся, – уклончиво ответил Меглин.

– А почему вас нет среди ее выпускников на фотографиях?

– Потому что она – мой выпускник, – сказал следователь, заводя мотор.

Есения не знала, как относиться к его словам. Как к шутке? У нее было слишком много вопросов, чтобы задать хотя бы один...

Они снова отправились в путь, и ближе к вечеру приехали в другой город. Меглин колесил по улицам, кого-то высматривая. Возле городского парка он остановил машину и устремился к какому-то человеку, по виду – алкоголику, переживавшему дождь под детским грибом. Они о чем-то переговорили, после чего алкоголик обнял следователя как брата, и Меглин вернулся к машине.

Они пересекли по мосту реку. На том берегу обнаружилось кладбище старых кораблей и рядом – док. Меглин остановил машину возле дока и вышел, как всегда, не позвав Есению. Чертыхнувшись, она последовала за ним.

На причале какой-то мужик стаскивал железки в кучу.

– Пиночет! – окликнул его Меглин.

Мужчина обернулся. У него было вытянутое тяжелое лицо и спутанные волосы. При виде Меглина на этой неприятной физиономии отразилась искренняя радость.

– Мишаня! – воскликнул Пиночет, и они обнялись.

– Знакомься, – весело сказал Меглин, обернувшись к Есене. – Моя жена!

– Очень приятно! – осклабился Пиночет.

Есения, уже не удивлявшаяся своим превращениям, просто кивнула.

– Не ожидал, Мишаня! – сказал Пиночет, разглядывая Меглина. – Сколько же мы не виделись? Может, по полста?

– Пять лет, – ответил Меглин. – По полста – давай.

Пиночет с важностью достал из трубы бутылку, объявил:

– Домашняя моя, на калине. Целебная, возвращает лет десять.

– А зачем тебе лишние годы? – отозвался Меглин. – Это ж тоска.

Старые знакомые по очереди отхлебнули из бутылки, при этом Меглин провозгласил тост:

– За наших!

Закурили. Есения внимательно взглянула на портсигар следователя. Все сигареты в нем были разных марок.

– Как ты? – спросил Меглин.

– Тяжело, – признался Пиночет. – Так иногда зовет...

– Ну, я ж тебя учил, что делать, если зовет. Вспомни – поотпустит.

– Если б не ты – я бы тут делов натворил... – признался Пиночет.

И заявил, повернувшись к Есене:

– А он меня спас! Откуда ты тогда взялся – хочешь, скажу? Бог тебя послал! Точно!

– Да я просто здесь гулял, – ответил Меглин. – Красиво...

– Что ж тут красивого? – удивился Пиночет. – Сюда и сторожа не нашли бы, если бы не я; а мне деваться некуда было... Эх, что-то калиновая некрепкая. Пойдем в каморку, там у меня другая есть.

В каморке у Пиночета на верхней палубе дока, к удивлению Есени, оказалось чисто и аккуратно, хотя и без удобств. Хозяин достал из холодильника бутылку, разлил по стаканам мутную жидкость, после чего деловито спросил:

– Ну, Мишаня, что у тебя?

– Взгляни, – предложил Меглин. Достал из кармана пачку бумаг и протянул хозяину. Есения узнала фрагмент материалов по делу «липецкого душителя», которые она штудировала в архиве Меглина.

Пиночет несколько минут изучал бумаги, потом заявил:

– Ну это же не я... Ты же знаешь, я...

– У меня к тебе другой вопрос, – сказал Меглин. – Ты же со Славиком ближе всех общаешься...

– Это не он... – сдавленно произнес Пиночет. – У него спина... Ревматизм...

– А ты его когда видел?

– Давно... Зимой еще. Говорил, дачу прикупил.

– Где?

– Южнее. Под Липецком, что ли.

– Дачу, надо же! – усмехнулся Меглин. – В фермеры, что ли, записался?

Оба рассмеялись.

– Интересная у тебя работа, Миша, – заметил Пиночет. – Врач – это призвание!

– Да, – согласился Меглин. – Не навреди, как говорится. Одно и то же всю дорогу, в общем.

– И не говори... – медленно произнес Пиночет. Он, не отрываясь, разглядывал фотографии: мертвые лица девушек, одежду...

– Хватит! – жестко сказал Меглин и кивнул Есене. Она поняла, что от нее требуется, и встала, чтобы забрать у хозяина бумаги. Оказавшись вплотную к нему, она заметила, что руки у мужчины обожжены.

– Ну, мы пошли, – сказал Меглин и решительно поднялся.

– Сейчас покажу кое-что, – предложил Пиночет.

На берегу стояло чучело человека, рядом – другие чучела, но обгоревшие. Пиночет потянул какую-то веревку – чучело начало крутиться вокруг оси.

– На подшипнике стоит, – объяснил хозяин. – Здорово придумал?

– Молодец, – без выражения сказал Меглин.

– Готовы? – непонятно спросил Пиночет.

Меглин кивнул. Пиночет достал спички, поджег коробок и бросил его в чучело. Затем потянул за веревку, и горящее чучело закружилось. Есения с ужасом смотрела на происходящее, а Пиночет смеялся радостно, словно ребенок.

– Еще приедешь? – спросил он у Меглина.

– Если только на похороны, – ответил следователь.

Оба снова рассмеялись, обнялись, и Меглин с Есеньей вернулись к машине.

– Кто это? – спросила девушка, когда они отъехали от дока.

– Кто?

– Эти люди? Учительница? Пиночет?

– Учительница. Пиночет, – словно эхо, повторил Меглин.

Однако Есения не отставала.

– А почему вы «журналист»? «Врач»? «Мишаня»?

– Потом, – бросил Меглин.

Впервые за всю поездку он взглянул на нее с интересом: сначала в глаза, а потом на ноги. И Есене это не очень понравилось.

– Когда дождь, сердце бьется чаще, – после паузы проговорил Меглин. – Почему, как думаешь?

За окном снова поливал дождь.

– Не знаю, – призналась Есения. – Ну, романтично...

– Херня какая! – усмехнулся Меглин.

Некоторое время он молчал, потом негромко заговорил:

– Дождь, ветер, гроза... Это все к переменам. А ты же не знаешь, какие они будут. Ты волнуешься. Боишься...

– Я не боюсь! – сердито ответила Есения. Меглин в ответ снова рассмеялся.

Уже вечером они подъехали к вокзалу в Липецке. Есения по дороге заснула и проснулась, только когда машина встала. Меглин уже вышел; она поспешила за ним. На первом же столбе висел фоторобот Дачника – настолько общий, что узнать преступника было невозможно.

На вокзале Меглин прошелся по перрону и радостно сообщил:

– Люблю вокзалы! А ты?

– А я нет.

– Ну так надо полюбить!

К ним подошел офицер полиции:

– Родион Викторович? Я Егоров!

– Что ты кричишь, Егоров, дурак, что ли? – тихо и сердито отвечал Меглин. – Это помощница моя, Настя. Давай отойдем.

Когда отошли от толпящихся пассажиров, Егоров заговорщицким тоном сообщил:

– У нас все готово!

– Что готово? – все так же недовольно спросил Меглин.

– Ну, все. Ловушка.

– Молодцы, – иронично сказал Меглин. – Подготовились, значит. Насть, глянь: как тебе?

Есень огляделась. Обратила внимание на плохо одетого, бомжеватого вида парня – он сидел на корточках возле здания вокзала. Отдельной кучкой стояли поджидающие поезд таксисты. Ничего примечательного она не увидела и сказала нарочито туманно:

– Ну, так как-то. Не особо.

Как выяснилось, оценка Меглина была гораздо более определенной. Повернувшись к Егорову, он заявил:

– Может, тебе проще объявление дать по вокзалу, чтобы он сам пришел, с повинной? А, Егоров?

– А что не так? – насупился офицер.

Меглин вновь повернулся к Есене, предлагая ей высказаться. Девушка пригляделась к машинам такси. В ближайшей «девятке» сидели два человека.

– Их двое, – сказала она.

– И что? – не понял оперативник.

– Таксистов – двое! – зло сказал Меглин. – Убери.

Егоров не понял, но подчинился; «девятка» отъехала.

– А этот что там делает? – спросил Меглин, указав в сторону переходного моста.

Там, в самом темном месте, стоял человек.

– Стоит... подавленно произнес Егоров. – Тоже убрать?

Меглин не ответил. Повернувшись в другую сторону, он ткнул пальцем в парня-бомжа:

– Сам придумал?

– Сам. А чего?

– Молодец! – впервые похвалил полицейского Меглин. – Только не воняет он у тебя.

– Чего?! – совсем растерялся Егоров.

– Он вонять должен, ссаками, – объяснил следователь.

– Так что ему, обоссаться, что ли?

– А как по-другому? Ну, здесь все понятно, – сказал Меглин. – Пошли, Насть!

– Да вы что?! – возмутился полицейский. – Через три минуты поезд! Посмотрите хоть на нее!

– А что на нее смотреть? – Меглин пожал плечами. – «Уточка» у тебя наверняка страшная. Смотреть – расстраиваться только. Ты разве красивую найдешь, Егоров?

– Мы, конечно, не Москва, но тоже старались, – с обидой в голосе сказал Егоров. – Ребята два дня не спали!

– Лучше бы выспались... – равнодушно ответил Меглин.

В это время подошел поезд. Среди пассажиров была девушка – «подсадная уточка»: молодая блондинка с красивыми ногами, в коротком платье.

– Слушай, Егоров, а ведь красивая! – с удивлением сказал Меглин.

Девушка между тем огляделась, словно искала встречающих, потом прошла мимо таксистов, обогнула здание вокзала и двинулась прочь. Меглин – за ней, на некотором расстоянии от него – Егоров и Есень. Меглин направился вслед за девушкой в привокзальный сквер, прошел несколько десятков метров, потом вдруг остановился, покачал головой и повернул назад.

– Что не так? – растерялся Егоров. – Красивая же, вы же сами сказали!

– Красивая, но плохая! – отрезал Меглин. – Без толку. Слушай, Егоров, забирай отсюда всех. Мы тут сами походим. Нужен будешь – позовем.

– А гостиница нужна? – спросил вконец расстроенный оперативник. – Я, правда, заказал только один номер... Не знал про помощницу...

– Запомни: нас двое. Два номера!

Не прощаясь, Меглин развернулся и направился на вокзал. Есень за ним.

На вокзале следователь вошел в кафе, взял себе бокал пива и уселся за столик. Есень села рядом. Некоторое время она молча размышляла, потом сказала:

– А можно спросить? Эта девушка, подсадная. Что она не так делала?

– Не боялась, – коротко ответил Меглин и на этом, видимо, счел тему исчерпанной.

Помолчал немного, усмехнулся:

– Хорошо тут. Мне нравится. Им тоже...

– Кому? – спросила Есения, но вопрос остался без ответа.

Меглин допил пиво и пошел бесцельно бродить по вокзалу. Есения, которая уже устала от его выходок, осталась за столиком.

Прибыл еще один поезд. Из него, среди прочих, вышла высокая девушка в коротком зеленом платье. Меглин сразу ожил. Быстро вернулся к Есене, коротко бросил:

– Пошли!

Двигаясь вслед за девушкой, они обогнули вокзал и пошли по улице. Девушка свернула в переулок. Меглин стремительно прибавил шаг. Девушка почувствовала, что за ней идут, обернулась. Увидев, что мужчина не один, а в компании хорошо одетой спутницы, успокоилась. Пошла уверенно, даже стала сильнее вилять задом. Свернула в следующий переулок, совсем плохо освещенный... И в этот момент начались события, которые никак не укладывались в сознании Есени.

Меглин в несколько прыжков догнал девушку и ударил ее ребром ладони по шее чуть ниже затылка. Девушка упала. Меглин ловко подхватил ее на руки, оттащил к ближайшему дому, положил на землю. Не оборачиваясь, приказал Есене:

– Встань на углу!

– Что вы делаете?! – воскликнула стажерка.

– На углу встань!! – рявкнул следователь.

Есения, ничего не понимая, отошла и встала на углу. Меглин все так же сидел на корточках возле девушки. Когда она пришла в себя, доброжелательно спросил:

– Тебя как зовут?

– Алена... – тихо ответила та.

– Дома ждет кто, Ален?

– Мама... И муж...

– Что ж он тебя не встречает? – упрекнул Меглин. – Нехорошо. Беззаботность какая-то. В муже твоём.

– Я просто раньше... – пыталась объяснить Алена, стуча зубами. Ее трясло. – Просто поезд другой пришел...

По щекам девушки рекой хлынули слезы. Меглин ласково вытер их рукой.

– Нехорошо получилось, – сказал он. – Ну ничего, сейчас домой пойдешь. Да, Ален?

Следователь галантно подал девушке руку, помог подняться, а затем неожиданно вывернул ей руку за спину и ткнул лицом в стену дома. Девушка взвизгнула.

– Ну давай, – деловито распорядился Меглин. – Кричи, Ален.

Но девушка, парализованная страхом, молчала.

– Кричи, говорю, дурочка! – повторил Меглин.

Алена попыталась закричать, но с ее губ сорвался только слабый стон.

– Нет, халтура, Ален! – зло сказал Меглин. – Кричи!

Он ударил девушку по пояснице, чтобы она выгнулась, затем запустил руку ей под юбку и сорвал трусы. Алена беззвучно зарыдала. Есения не выдержала.

– Что ты делаешь?! – закричала она.

– Закрой рот! – приказал следователь. – Хотела помогать – помогай!

Послышались шаги, и из-за угла дома выбежал мужчина – муж Алены. Увидев, что происходит, он рявкнул:

– Ты что, сука, делаешь?!

Одновременно Алена наконец закричала изо всех сил:

– Сережа!

Мужчина бросился на Меглина. Однако следователь был готов к такому повороту событий. Он отшвырнул Алену в сторону Сергея и, когда тот машинально подхватил жену, подскочил к нему и коротко ударил в шею. Муж Алены упал, не издав ни звука.

Наклонившись над ним, Меглин презрительно произнес:

– Опоздал, Сереж! Нехорошо. Так можно без жены остаться. Ален, а ты хорошо закричала! Так бы сразу!

Меглин собирался продолжить беседу, но тут за углом послышался испуганный женский голос:

– Сережа! Алечка!

Следователь тут же схватил Есению за руку и потащил прочь. Они пробежали одну улицу, другую... и вдруг столкнулись с двумя полицейскими, бегущими на крики. Правда, нельзя было сказать, что они уж очень спешили; одному к тому же мешало пузо. Не успели стражи порядка осознать, что происходит, как Меглин ударил одного из них в бок. Тот рухнул как подкошенный. Второй полез за пистолетом, но следователь хлестнул его пальцами по глазам, затем оторвал от земли и швырнул спиной в стену. Мент сполз по стене, как мешок, а Меглин принялся пинать его ногами, приговаривая:

– Двойка! Двоечник! Где ты был, а? Где вы были?

Потом повернулся к первому менту, безуспешно пытавшемуся отползти в сторону, собираясь врезать и ему тоже, но Есения вцепилась в Меглина как клещ.

– Перестань!! – кричала девушка и тащила, тащила его в сторону изо всех сил...

Пробежав несколько кварталов, оба вдруг остановились. Есению била крупная дрожь от страха. Меглина тоже трясло, но совсем по другой причине – от возбуждения. Он как-то по-особому взглянул на Есению и вдруг обнял ее. Вначале она не сопротивлялась, потом спохватилась и резко оттолкнула его. Мужчина только усмехнулся.

Пошел дождь, быстро перешедший в ливень. Мокрые насквозь, они добрались до машины, и Меглин вырулил на трассу, ведущую в Москву, однако у первого же продуктового магазина остановился, забежал внутрь и вскоре вышел с бутылкой водки. Сразу откупорил ее, а когда проехали пост ГАИ, начал пить – прямо за рулем. Вскоре он был уже совершенно пьян.

Внезапно Меглин остановил машину, повернулся к Есении и уставился на ее ноги тяжелым взглядом. Есения отвернулась и, глядя сквозь стекло на заливаемое дождем шоссе, сказала:

– Если хочешь это сделать... Дай мне водки. Чтобы не помнить.

Тогда следователь отвернулся от нее, сделал еще глоток и снова повел машину вперед...

В комнате для допросов Седой уточнил:

– *Вы думали, он хотел...*

– *Да, изнасиловать ее. Думала, что и меня. Я только потом поняла...*

– *Что вы поняли?*

– *Он хотел их научить.*

– *Научить? – удивился второй следователь, Худой. – Кого? Чему?*

Но Седой не спрашивал. Он понял. Меглин хотел научить Алену и ее мужа бояться опасности, предотвращать ее. А полицейских – исполнять свои обязанности.

Через некоторое время Меглин вновь остановил машину. Долго сидел, тупо глядя перед собой. Потом открыл дверь и выбрался под дождь. Прошел несколько шагов, остановился, отхлебнул из бутылки, еще раз, еще... Пил, пока не закончилась водка. Меглин выбросил бутылку в кювет, сделал еще несколько шагов – и упал прямо на дороге.

Есения взглянула на ключи, оставшиеся в замке, открыла дверь и вышла. С огромным трудом, напрягая все силы, поставила Меглина на ноги, повела к машине. Усадила на пассажирское сиденье, сама села за руль. И поехала в Москву.

Утром старая помятая «Волга» остановилась возле заброшенного завода – жилища Меглина. Есения вышла, коротко взглянула на спящего следователя и пошла к дороге. Поймала такси и поехала домой.

Дома она сразу направилась в ванную. Сняла с себя все, в чем была – одежду, белье, – и запихала в мусорный пакет. Затем залезла под горячий душ и терла, скребла тело мочалкой, словно хотела смыть что-то мерзкое, въевшееся в кожу...

В это же время недалеко от Липецка электричка подходила к станции – той самой, где недавно была найдена девятая по счету задушенная девушка. В вагоне среди прочих пассажиров сидел помощник Меглина – Глухой. Низко надвинув на лоб кепку, он наблюдал за двумя людьми. Одним из объектов была девушка лет пятнадцати, с красивым, но жестким лицом. Другим – мужчина лет пятидесяти пяти. Правда, на фотороботе, который лежал у Глухого в сумке, Дачник выглядел моложе. Но можно ли полностью доверять фотороботу?

На станции Дачник и его спутница вышли и направились по тропе через лес вслед за еще одной девушкой, тоже примерно пятнадцати лет с виду, ехавшей в том же вагоне. Пропустив их вперед, Глухой двинулся следом.

Тропинка через лес петляет, фигуры впереди теряются из виду. Глухой прибавляет шаг – он боится упустить тех, за которыми следит.

Внезапно сбоку раздается треск сломанной ветки. Глухой резко поворачивается, и в ту же секунду в его шею впираются контакты электрошокера. Разряд тока сгибает Глухого в дугу, он падает. Спутница Дачника зло смотрит на упавшего, затем спешит догнать ушедшую вперед жертву.

Впрочем, девочка не успела уйти далеко. Она услышала сдавленный крик Глухого, обернулась, увидела догоняющих ее людей и побежала. Но спутница Дачника быстрее. Догнав жертву, она сильно бьет ее в грудь, так, что та стучается затылком о дерево и падает. Дачник наклоняется к жертве и мягко произносит:

– Ударилась? Ну прости! Ну все. Все хорошо будет... Пошли домой, дочка.

Девочка смотрит на него во все глаза. Она ничего не понимает. Одно ясно: убивать ее вроде не собираются...

...В старом дачном доме, где живут Дачник и его спутница, чисто и светло, звучит бодрая музыка по радио. Спутница Дачника собирает на тарелку завтрак для пленницы: омлет, бутерброды, чай. И несет все это в подвал, где сидит девушка – целая и невредимая...

Выйдя из душа, Есения направилась к себе. Но возле открытой двери отцовского кабинета остановилась. И вновь заметила на столе, среди других дел, старую папку с делом матери. Но сейчас не эта папка привлекла внимание Есени. Ей надо было выговориться.

– Как ты? – спросил прокурор.

– Он ненормальный... – глухо ответила девушка.

Прокурор не удивился – он ожидал именно такой оценки.

– Как его на службе держат? – продолжала Есения. – Что это за знаменитый метод такой? Как он ловит маньяков – он же сам больной на всю голову?! Я не понимаю...

– Ты уже все поняла, – ответил ей прокурор. – Нет никакого метода. Меглин ловит маньяков, потому что сам – маньяк.

Глава 3

Если идешь по следам убийцы – ты уже отстал.

Метод

Парк в Липецке. По дорожке бежит девушка в спортивном костюме. Оглядывается, замечает, что за ней бежит мужчина лет сорока. Она бежит быстрее, еще быстрее, но тот, сзади, не отстает. Тогда она на бегу достает из кармана газовый баллончик, останавливается, резко разворачивается и наставляет баллончик на преследователя.

– Ну давай! Попробуй! – кричит она.

Мужчина в испуге отшатывается, обходит девушку по широкой дуге, бормочет сердито:

– Лечись, дура! С ума посходили с маньяком этим...

Бегунья некоторое время смотрит вслед мужчине, потом прячет баллончик и продолжает бег.

Она не знает, что за всей этой сценой из-за кустов кто-то наблюдал...

В комнате для допросов продолжается беседа.

– Почему вы решили уйти? – спрашивает Седой.

– Я подумала – а что он может мне дать? – отвечает Есения. – Он не сыщик – маньяк. Я понимаю, он делает какое-то свое дело, но у меня другая задача. Я решила сама искать...

– Кого?

– Убийцу матери...

Есения вошла в домашний кабинет отца. Прокурора не было дома, так что появилась возможность действовать уверенно. Подергала по очереди ящики стола. Все выдвигаются, кроме одного. Девушка задумчиво посмотрела на ящик, потом присела на корточки. И увидела под столом крючок, а на нем – висящий ключ. Открыла ящик. Сверху лежала та самая папка...

Изучать ее содержимое было некогда – отец мог вернуться в любой момент. Есения включила принтер и начала копировать листы дела. Дойдя до снимков, она услышала во дворе звук подъехавшей машины. Быстрее, быстрее! Есения скопировала последний лист, быстро убрала папку в стол, заперла ящик, повесила ключ на место. Скопированные листы спрятала в сумку и заторопилась к выходу.

Распахнула дверь – и застыла в удивлении. Оказывается, это не прокурор вернулся домой. У подъезда стояла знакомая «Волга». Правда, теперь она была вымыта до блеска. Да и Меглин, стоявший рядом с машиной, выглядел совершенно иначе: аккуратно причесанный, в свежей рубашке, при галстук...

– Ладно, я потрясена, – говорит Есения. – Но это ничего не меняет. Я ухожу.

– Садись, поехали, – говорит в ответ следователь.

– Куда?

– На охоту...

Он сел за руль, завел мотор. Есения несколько секунд с досадой, даже со злостью смотрела на него – но все-таки уселась на пассажирское сиденье. Машина тронулась.

Когда они отъехали от дома, Меглин произнес:

– Ты же вроде хотела метод изучить?

– Нельзя изучить то, чего нет, – парировала Есения.

– Seriously? То есть ты думаешь, что я просто хожу бухой по округе и так ловлю серийников? Ты сама подумай, у меня же раскрываемость...

– Знаю, восемьдесят процентов, – закончила за него Есения.

– Всего-то? Я думал, больше. Ну, я же живой человек: нет-нет, да ошибусь...

Меглин въехал в проходной двор, примыкающий к одному из отделов полиции. Тут же от стены отделился полицейский с нашивками сержанта и подал ему конверт. Следователь извлек из конверта листки дела, один отдал Есене. Это была фотография – той самой девочки-подростка, что пыталась убежать от Дачника и его спутницы.

– Света Приходько, – объяснил Меглин. – Сошла с электрички на станции Васильково, до дома не дошла. Лес прочесали, тело не нашли. Значит, есть шанс, что еще жива. Вернемся – гуляй на все четыре стороны. А сейчас ты мне нужна. Как женщина.

Есения так ничего и не ответила, но Меглин решил, что это и есть ответ. Он завел машину и поехал дальше.

Спустя несколько часов они въехали в Липецк. Меглин нашел нужную улицу, поехал медленнее. Попросил:

– Посмотри, Зыкова в каком доме жила?

– Сообщница? В шестом. Тут говорится, что мать опрашивали, она ничего не знает.

– Доверчивость – дурная привычка, избавляйся, – посоветовал Меглин.

...Им открыла женщина лет сорока, со следами бывлой красоты на увядшем лице.

– Инспекция по делам несовершеннолетних, – представился Меглин.

– К нам уже приходили следователи, я все рассказала... – попыталась возражать мать.

– Нам положено, – заявил Меглин, проходя в квартиру. – Жилищные условия глянем...

В квартире было всего две комнаты: одна матери, вторая детская. Меглин и Есения открыли дверь, вошли. На стене висели фотографии двух девочек-близнецов, на вид лет по четырнадцать. Одна, с рыжими волосами, смеялась. Из материалов дела Есения знала, что ее зовут Алисой. Другая – Юлия, сообщница Дачника, – выкрасила волосы, стала блондинкой. Смотрела жестко, без улыбки.

Внезапно Меглин спросил:

– Где у вас туалет?

И, не дожидаясь ответа, вышел. В ванной достал из кармана флакон, вытряхнул на ладонь две таблетки. Руки у него дрожали. Проглотил, запил водой из-под крана.

Уже повернулся уходить, и тут заметил на стене старомодную аптечку. Открыл – пусто, никаких лекарств, только градусник лежит.

В это время в комнате мать девочек рассказывала Есене:

– Они дружили. Конечно, по-всякому бывало, дети есть дети... Алиса сейчас сама придет, спросите...

– А их отец?

– Погиб. Давно, девочкам и года не было.

Есения сочувственно смотрела на женщину. Вошел Меглин и сразу принялся выпроваживать мать девочек за дверь:

– Мы комнату посмотрим... А вы идите, вам расстройство одно.

Когда они остались одни, следователь коротко бросил Есене:

– Начинай.

– Что? – удивилась она.

– Осмотр места жительства. Что видишь?

Есения пожала плечами:

– Обычная детская.

– Видишь следы?

– Вы серьезно? Что вы делаете под шкафом, Холмс?

– Я что, шутки с тобой шучу? Есть следы, которые остаются после преступления. Есть следы того, что было до него. Ищи!

Есения только снова беспомощно пожала плечами: она не видела никаких следов. Тогда следователь взял ее голову и повернул в сторону детских кроватей.

- Две кровати – одно окно. Как они стоят?
- У окна... – все так же беспомощно ответила девушка.
- Солнце! – подсказал Меглин.
- Что солнце?
- Ложись!

Есения хотела возмутиться, но затем подчинилась. Меглин подтолкнул ее к одной из кроватей. Есения легла, приняла позу спящей. Представила себе раннее утро, двух сестер в кроватях. Ага, восток у нас там. Значит...

В ее сознании возникла картина: первый солнечный луч падает на кровать, на которой она сейчас лежит. Кто на ней спал? Конечно, Алиса – более благополучная из сестер! Постепенно солнце заполняет всю комнату, но так и не доходит до угла, где спит Юля...

Теперь Есения была готова делать выводы. Сев на кровати, она заявила:

- Кровати стоят одинаково. Но на них по-разному жить...
- Это и есть следы, – кивнул Меглин. – Что еще?

Есения осмотрелась. Заметила сваленные в кучу вещи одной сестры и аккуратно разложенную одежду другой.

– Одна аккуратна, другая – нет, – размышляла она вслух. – Одна учится хорошо, другая – нет. Одна занимается спортом, у нее вообще все хорошо. У другой нет. Они разные, хотя так похожи...

И сделала вывод:

– Пропала та, у которой не было места под солнцем. Сбежала и стала сообщницей Дачника.

– Ты уверена? – спросил Меглин. Он в это время разглядывал лежащий на подоконнике мобильник с разбитым экраном.

Есения не успела ответить – в комнату вошла девушка с рыжими волосами.

– Алиса, да? – приветствовал ее Меглин. – Покажи, где ты спишь.

Девушка указала на кровать справа – совсем не ту, на которой лежала Есения.

– Она тебя била? – деловито спросил Меглин.

Девушка замялась.

– Лупила, как сидорову козу! – уверенно заявил сыщик. – Каждый день, когда никто не видел! Говори, дебилка!

– Да!! – заорала Алиса.

В комнату тут же вбежала мать:

– Аличка, что случилось?

– Тихо! – приказал ей Меглин, и снова повернулся к Алисе:

– Она хотела забрать у тебя солнце, а забрала – кого? Игорька?

– Олега... – выдавила из себя девушка. – Я слышала, как они...

– Трахались, да? Она набирала твой номер, чтобы ты все слышала! И ты разбила телефон...

Алиса кивнула, пораженная пронизательностью этого незнакомого человека. Однако сеанс разоблачения еще не закончился.

– И тогда ты выпила мамины таблетки, да? – спросил сыщик.

Алиса снова кивнула. Меглин перевел взгляд на мать.

– Пятнадцать лет вам понадобилось, чтобы понять, как солнце движется по комнате! Вы растили отличницу, спортсменку... Растили чудо – а выросло чудовище. Что ж, бывает. Как боролись? Пытались уговорить или сразу били? Вижу, били...

Мать, не зная, что сказать, затравленно смотрела на сыщика. А он сделал последний вывод – словно гвоздь в доску вбил:

– Юля не убегала из дома. Вы ее выгнали!

И тут мать нашлась, что ответить:

– Она сама ушла!

– А что взамен? – тут же спросил Меглин.

– Я посылаю ей деньги. Каждую неделю... – призналась мать.

Следующий день был заполнен рутинной оперативной работой: надо было определить банкоматы, расположенные неподалеку от тех мест, где пропадали девушки, выяснить, через какой из них снимала деньги Юля. Этим занимался Глухой. К вечеру он позвонил на телефон Есени и сообщил, что Юля снимает деньги в кассе, находящейся неподалеку от станции. И он надеется на этот раз проследить ее до дома, где они с Дачником живут и где, возможно, содержится похищенная девушка.

– А сам ты как, после шокера? – спросил Меглин.

– Жить буду... – буркнул Глухой.

– Самонадеянно... – в тон ему ответил Меглин, после чего вернул телефон Есене и повел машину по направлению к станции.

– А ты свой не хочешь завести? – спросила девушка.

– Телефон – это контроль, – объяснил сыщик. – Зачем мне контроль?

Однако вопросы у Есени еще не закончились.

– А в полицию не надо звонить?

– Ты же видела здешних ментов...

– А серьезно?

– Думаю, он из наших... – задумчиво произнес Меглин.

– Кто, Дачник?! Ты знаешь, кто это? Давай звонить ментам! Ведь у него девочка!

– Нет! – упрямо повторил Меглин. – Ты пойми: маньяк душит на месте, а Дачник похищает. Другой почерк!

– Так их что, двое?

– Ну да! Если сдать Дачника ментам, они объявят по ящику о победе, снимут патрули. И все расслабятся. Рано! Проверим сами.

Спустя полчаса машина Меглина стояла рядом с той самой станцией. Следователь развалился в кресле и складывал из газетного листа кораблик. Есения не могла воспринимать ситуацию так спокойно.

– Так ты уверен, что Славик – не Душитель? – уже во второй раз спросила она.

– Почти, – меланхолично отвечал сыщик.

– Откуда такая уверенность?

– Долго объяснять, – вздохнул Меглин. – Со временем сама поймешь. Если останешься...

Но Есения не собиралась отступать.

– Ты сказал, что Славик – не Душитель. Но маньяк, который убил мою мать, задушил троих перед ней... А ее застрелил!

– Есть такие бездарности, – все так же меланхолично согласился Меглин.

– Бездарности?

– Ну... как тебе объяснить. Есть художники. У них свой почерк, все тонко, выверенно, со знаками. А есть бездарности. Им просто хочется убивать, и они убивают всех подряд: мужчин, женщин, детей... И любым способом: душат, режут, стреляют... Все равно.

Есения хотела спросить еще что-то, но ее прервал стук в окно. Возле машины стоял Глухой. Меглин опустил стекло.

– Там они? – спросил.

Глухой кивнул.

...Дачник, который что-то готовил на кухне, вытер нож, отдал его Юле со словами:

– Сходи к ней.

– Хорошо... папа, – ответила Юля и спустилась в подвал.

При виде Юли с ножом в руке связанная девочка попыталась кричать, но кляп глушил ее крики. Юля подошла к ней вплотную... и разрезала веревки на руках девочки, а затем вынула кляп изо рта. Жестом велела пленнице идти за ней. Та повиновалась...

В это время Меглин, Есения и Глухой остановились за кустами в двух шагах от дома. Сыщик жестом приказал Глухому зайти с другой стороны. Когда они остались вдвоем, Есения предупредила:

– Я без оружия.

– Ничего, я метод взял, – ответил Меглин. После чего распорядился:

– Иди в окно посмотри.

– Одна? – Есения не могла поверить.

– Посмотришь, что делают.

Она все еще колебалась.

– Это... какой-то тест?

– Иди!

Есения, согнувшись, подобралась к дому и заглянула в окно. Увидела кухню. За столом, спиной к ней, сидели две девочки. К столу подошел Дачник с ножом в руке. Выражение его лица было странным. Внезапно он поднял глаза и посмотрел на Есению в упор.

Дальше прятаться не имело смысла. Есения схватила с земли подвернувшийся под руку камень и бросилась в дом, но, вбежав на кухню, обнаружила, что она тут не первая. Меглин и Глухой тоже были здесь. Дачник – крепкий еще мужчина лет шестидесяти, с мягким безвольным лицом, все еще с ножом в руке, виновато смотрел на следователя.

– Здравствуй, Славик, – сказал Меглин, обняв его, словно младшего брата.

– Вот, торт хотел резать, девочек угостить... – сказал Славик, указывая на стол, на котором действительно стоял дешевый торт.

Меглин забрал у него нож. Есения опустила руку с камнем. Она все еще ничего не понимала.

– Недоглядел я... – сказал Меглин, обращаясь к ней. – Славик вырос в больнице. Родители от него отказались. Кочевал по детским домам, бродяжничал. А когда вырос, решил сам детей спасать. Подбирал на вокзалах, держал дома, на цепи. Для их же блага, понимаешь? Одна девочка кричала – он ее почти задушил. Соседи вовремя оттащили. В психушке его пролежали, вроде отошел. А сейчас опять потянуло. А я недоглядел. Он их ловил, чтобы помогать. Да, Славик?

– Бедные они... – кивнул Славик. – Жалко...

Меглин перевел взгляд на Юлю.

– Почему ты ему помогала? Хотела, чтобы и он тебе помог?

– Я ничего говорить не буду! – со злостью ответила девочка.

– Не говори, я и так все вижу. Мать хотела убить или сестру? Или обеих?

Юля с ненавистью уставилась на сыщика.

– Он бы тебе не помог, – Меглин развел руками. – Он не убийца!

Развернулся и направился обратно к машине. Есения поспешила за ним.

– Ты что, их здесь оставляешь?! – спросила она уже в саду.

– Так надо, – бросил в ответ Меглин. – Глухой присмотрит.

– Но почему?

– Пусть Душитель думает, что мы далеко, – объяснил сыщик. – Ловим Дачника, а сам он в безопасности.

– Но он же продолжит убивать!

– Надеюсь, – кивнул Меглин.

– Что?!

– Он так и так продолжит, – ответил Меглин, са-дясь в машину. – Здесь спугнем, вынырнет где-нибудь под Красноярском, и надо будет начинать все по новой.

Видя, что Есения не садится в машину и он ее не убедил, сыщик добавил:

– Место переправы он прошел сам, без моего разрешения...

Девушка почувствовала, что ей открывают самую суть того, что называли «методом Меглина». Ей хотелось понять, и она спросила:

– А что это – переправа?

– Место. И время. Не на земле – здесь, – сыщик коснулся головы, потом сердца. – Если перешел на ту сторону, обратного пути нет...

На следующее утро зал планерок в липецком УВД был полон. Здесь собрались известные липецкие следователи и оперативники. За столом президиума сидели Меглин, Есения и капитан Егоров. Переглянувшись с Меглиным, Егоров сообщил:

– Значит, такое дело. Майор Меглин приехать не смог. Страна у нас большая, работы много. Вместо него вот прислали товарищей – Овечкина Геннадия Николаевича, судмедэксперта, и Елену Петровну Матюхину, следователя по особо важным делам. Она давно работает с Меглиным, так что, сами понимаете... Нужно приложить все силы к поимке маньяка. А то он продолжит свое черное дело, а нас пресса с говном смешает.

Договорив, он повернулся в сторону Есени, показывая, что передает ей слово. Девушка кивнула и громко объявила на весь зал:

– Мы знаем убийцу.

Она уже открыла рот, чтобы продолжать, но невольно остановилась, пораженная. Меглин, продолжая разглядывать поверхность стола перед собой, незаметно опустил руку и стал гладить Есению по ноге. Девушка глубоко вздохнула и продолжила:

– Это Вячеслав Семагин, пятидесяти семи лет, душевнобольной. Вам раздадут ориентировку...

...Когда планерка закончилась и они остались вдвоем, Есения решительно повернулась к Меглину и сердито спросила:

– Это что сейчас было?

– А что? – сыщик широко улыбнулся. – Я же тебе нравлюсь. Как следователь и вообще...

– Мечтай! – бросила Есения. – Это было... непрофессионально!

– Почему же? – Меглин пожал плечами. – Я думал, если у тебя соски встанут, ты ему больше понравишься...

– Кому – ему? – Есения ничего не понимала.

– Душителю, – тихо произнес сыщик. – Он был здесь, в зале.

Затем он в своей обычной манере повернулся и вышел, ни слова больше не говоря. Есения поспешила за ним.

Они миновали несколько кварталов и вошли в городской парк. Здесь Есения задала мучивший ее вопрос:

– Почему ты решил, что он из полиции?

Вместо ответа следователь внимательно посмотрел на нее. Есения поняла – это задание. Она сама должна ответить.

– Он часто разъезжает и всегда может это объяснить... – размышляла она вслух. – Легко подходит к жертвам на дистанцию доверия. Так?

Меглин покачал головой:

– Нет. Главное – он власть любит. Его когда-то сильно обидели, а теперь он может. Кого угодно. И даже свидетелей не боится. Если что, он в системе, и свидетель – не помеха.

– Нападали все время в парке, – продолжала размышлять Есения. – Но он огромный... Что мы ищем?

– Место, – ответил сыщик. – Место, где ему нравится убивать. Где ему когда-то сделали очень больно, а теперь он сам делает.

Остановившись, он долго осматривался, затем спросил:

– Что ты видишь?

Есения, уже приученная замечать детали, тоже долго смотрела, но ничего подозрительного не заметила и честно в этом призналась:

– Люди, деревья... А ты?

– Ветку, – ответил Меглин.

Он подошел к кусту, у которого недавно была отломана ветка.

– Это засидка, – объяснил сыщик. – Он отсюда их высматривает. А ветки ломает, чтобы обзору не мешали.

И убежденно добавил:

– Я бы так сделал.

Мимо них пробежала девушка в спортивной форме. Меглин быстро двинулся вслед за ней, Есения с ним.

– Молодой, лет двадцать пять ему, – на ходу бормотал сыщик. – Бегает хорошо...

– Спортсмен? – уточнила Есения.

Она достала блокнот и на ходу пыталась записать то, что говорил Меглин. А он продолжал бормотать, словно говорил сам с собой:

– Осмотрелся – вокруг никого, и вперед...

Они приблизились к участку, где деревья росли гуще; здесь парк походил на лес. Внезапно Меглин сделал резкое движение, будто схватил кого-то.

– Сюда ее! – воскликнул он.

Резко свернул с дорожки в кусты, двигался дальше, дальше; Есения, испуганная и одновременно зачарованная, шла за ним.

– Здесь никто не видит, не слышит, а услышат, мимо пройдут... – продолжал сыщик внутренний монолог – не свой, а скорее человека со шнурком. – Сейчас, сука, сейчас... Не отвернешься! Здесь надо мной издевались, а теперь я над тобой!

Он сделал еще несколько шагов и опустил на корточки перед бетонным парапетом, когда-то сделанным здесь (может, клумбы хотели устроить, да передумали). На бетоне чем-то металлическим было нацарапано:

Самсонова

Бойко

Першина

Кривцова

Список на этом не заканчивался, дальше шли другие фамилии.

- Что это? – растерянно спросила Есения.
- Те, кто его обидел.
- Девушки?
- Нет, девчонки. Он от них убегал, – пояснил сыщик.

...Мальчишка бежит через парк. За ним гонятся девчонки-одноклассницы, выкрикивают что-то злое. Камень ударяет его в затылок, мальчик падает. Вскрикивает, бросается в кусты, прячется за бетонным парапетом. Достает из кармана ключ от дома и выцарапывает на бетоне первую букву: «С»... Из глаз текут слезы, но он продолжает чертить, и скоро на бетоне появляется вся фамилия...

Меглин и Есения вышли на другую дорожку. За парковой оградой виднелось здание школы. Следователи двинулись к нему. Навстречу, шаркая ногами, прошел какой-то алкаш в старой, донельзя грязной одежде; в авоське звенят пустые бутылки. Почему-то он очень пристально посмотрел на них – и сразу отвел взгляд, когда Меглин тоже взглянул на него.

...Директор школы была удивлена и возмущена:

– Списки выпускников за последние двадцать лет? И это как-то связано с поисками маньяка? Нет, если вам надо, смотрите, но какое отношение наша школа может иметь к маньяку?!

Как раз в этот момент завуч втащила в кабинет директора мальчишку лет двенадцати, в ссадинах, испуганного и в то же время злого. Директор с досадой взглянула на вошедших:

– Опять, что ли? Потом, я занята!

И стала искать в шкафу учетную книгу выпускников...

Женя Осмыловский с видом пай-мальчика сидел в кабинете прокурора Стеклова. Прокурор некоторое время внимательно разглядывал посетителя, затем произнес:

– Отец сказал – ты в следователи рвешься? Прямо поветрие какое-то. Что ж, интересные дела сразу не обещаю, придется попахать.

– Я готов, Андрей Сергеич, – кротко ответил сын генерала.

– У меня к тебе еще один вопрос, – продолжал прокурор. – Личный. Не хочешь, не отвечай.

– Какой?

– У вас с Есеньей...

– Несерьезно, – ответил Женя с самым искренним видом.

– Ну, зато честно, – сказал прокурор. – Я позвоню.

...В этот день Женю Осмыловского можно было увидеть еще в одном месте, в котором бывала Есения, – в архиве МВД. И та же самая сотрудница архива Елена Васильевна, что отказалась выдать материалы Есене, приняла у Жени список заказанных дел. Ознакомившись, заявила:

– Извините, это я вам выдать не могу. Это материалы с грифом.

– Да, я знаю, – обаятельно улыбнулся Женя. – Майор Меглин. Top secret... Но у меня допуск.

И он протянул Елене Васильевне документ.

– Видите – сам генерал Осмыловский подписал!

...Есения отыскала Меглина на лавочке в парке. Она была так воодушевлена своим открытием, что даже не обратила внимания на почти пустую бутылку вина, которую сыщик держал в руке.

– Я нашла! – сообщила девушка, усаживаясь рядом. – Те же фамилии, что и на дереве. Все они учились в одном классе. Выпуск девяносто восьмого года. Значит, ему за тридцать. Обойдем каждого, всех опросим...

– Обойдем... – поддакнул Меглин. Только теперь Есения заметила, в каком он состоянии. На ее лице отразилось все, что она думала по поводу его слабостей. Словно желая сильнее ее раздражить, Меглин допил вино, встал и двинулся прочь. Есения за ним.

– Мы что-то будем дальше делать? – спросила она.

Меглин, по своему обыкновению, не ответил. Тогда Есения, тоже уже привычно, заговорила, словно сама с собой:

– Неужели ему их совсем не жалко?

Этот ход оказался удачным. Сыщик откликнулся.

– Жалко ему только себя, – сказал он.

– А почему между убийствами всегда паузы? Я думала, это... не знаю – раскаяние? Или депрессия. Как после секса...

– У тебя депрессия после секса? Это тебя должно быть жалко.

И, после паузы, другим тоном произнес, словно сообщил нечто сокровенное:

– Раскаяния нет. Ничего нет. Просто – хорошо. И опять хочется.

– Тогда он не человек, а монстр!

– Нет. Вне эпизода он хороший, добрый. У него, может, семья есть... галстук... Все мы немножко монстры, немножко люди...

– Почему же он не остановится, если человек?

– А он не хочет, – объяснил сыщик. – Не хочет останавливаться, поняла? Да, он человек... Но не наш.

– Таких не судить, а убивать надо, – убежденно произнесла Есения.

Меглин коротко взглянул на нее с непонятным выражением, но ничего не сказал.

Они подошли к уличному художнику, сидевшему за мольбертом на развилке парковых дорожек в окружении готовых работ.

– Все время здесь сидите? – спросил Меглин.

– С девяти до девяти, – охотно отозвался живописец. – Присаживайтесь, я вас изображу.

– Времени нет, – отказался сыщик.

– Всего минута! Или дочку вашу?

Меглин не ответил. Он посмотрел на картины, на художника, потом – на большую группу подростков, тусующихся неподалеку на двух скамьях. Неожиданно шагнул к Есене, распорядился:

– Иди вина купи.

И сунул в руку купюру. Есения, ничего не понимая, машинально взяла деньги и даже сделала несколько шагов прочь. Но тут раздавшиеся за спиной крики заставили ее обернуться.

Она увидела неожиданную, совершенно невероятную картину: Меглина избивали четверо мальчишек лет шестнадцати. Меглина, который на ее глазах запросто валил крепких мужиков! Она испугалась не за него – за них.

– Эй, эй! – предостерегающе крикнула она, кидаясь к дерущимся.

В это время Меглин упал, из носа текла кровь. И, лежа на земле, сыщик сделал Есене незаметный знак рукой – не вмешивайся!

Она, повинувшись сигналу, остановилась. Парни перестали бить Меглина, пошли прочь. Тогда он бросился за обидчиками и схватил одного из них за воротник. Его снова принялись бить. Снова перестали. Но сыщику, как видно, все еще было мало. Он поднялся и с угрожающим видом направился в сторону девушек. Избиение возобновилось.

Вокруг собралась толпа. Слышались комментарии: «Пьяный... к девчонкам приставал, в кусты ташил...» «Главное – при ребятах! Это ж надо, наглость какая!»

Закончилось все тем, что девчонки, напуганные происходящим, оттащили парней от «хулигана». Тогда сыщик вытащил из кармана перочинный нож, раскрыл и принялся нелепо размахивать им перед собой. Впрочем, никакого страха он не вызвал – только брезгливость. Один из мальчишек отвесил обидчику пенделя под зад, и компания удалилась.

Меглин некоторое время стоял, тупо глядя перед собой, затем устремился к расположенному неподалеку пруду. Плюхнулся в воду, сделал несколько шагов, потом окунулся с головой и постоял так, согнувшись.

Тот, кто имел бы возможность оказаться рядом с «пьяницей» и заглянуть ему в глаза, мог бы с удивлением заметить, что взгляд у мужчины совершенно трезвый – и этим трезвым взглядом он внимательно оглядывает людей на берегу, кусты... Того, кто прячется за одним из кустов...

Наконец Меглин выбрался из воды и, пошатываясь, двинулся прочь.

Есения догнала его, пошла рядом.

– Зачем? – спросила она, не уверенная, что получит какой-то ответ.

И действительно, слышала только невнятное:

– Перепил...

В гостинице она с трудом довела следователя до номера и усадила на кровать. Но он тут же сполз на пол и остался там: мокрый, окровавленный и невменяемый.

Есения, донельзя расстроенная случившимся, ушла к себе и легла спать. Но заснуть никак не могла и спустя какое-то время увидела, как совершенно бесшумно повернулась ручка двери и в номер кто-то вошел. Есения сжалась, приготовилась закричать, и тут в падающем из коридора свете узнала Меглина. Девушка опустила ресницы, притворилась спящей и стала ожидать продолжения.

Меглин все так же бесшумно подошел к кровати, постоял несколько секунд. Затем укрыл голые ступни девушки, торчащие из-под одеяла, и сел на пол возле кровати – охранять. Если бы снова нашелся кто-то, кто мог заглянуть в его лицо... Оно вновь было совершенно трезвое, как тогда, в пруду. А еще – усталое и больное...

...В это самое время супружеская пара – обоим лет по сорок – идет через парк к автобусной остановке. Внезапно из кустов доносится сдавленный крик.

– Бомжи, – заявляет жена.

– Голос вроде женский... – неуверенно произносит муж и делает шаг в сторону кустов.

Но жена хватается его за руку:

– Говорю, бомжи! Делать тебе нечего, что ли? Пошли!

– Голос вроде женский... – повторяет муж, давая себя увести.

Если бы он сделал несколько шагов и раздвинул кусты, то увидел бы лежащую на земле девушку. Мертвую, со шрамом от шнурка на шее. А если бы сделал эти несколько шагов минутой раньше, застал бы ее еще живой.

Утром Меглина в комнате не оказалось. Есения по этому поводу только пожала плечами. Привела себя в порядок и спустилась в гостиничное кафе. Взяла кофе и принялась изучать записи, сделанные накануне в блокноте, и делать новые.

За этим занятием ее и застал Меглин.

– Что рисуешь? – спросил насмешливо.

И, не дождавшись ответа, сообщил:

– Один мой знакомый врач специально просит больных рисовать все, что в голову приходит. Думает, так можно понять.

– Понять что?

– Что им в голову приходит.

Есения оглядела помятый, испачканный кровью костюм следователя и сообщила:

– Тебе идет.

– Да, костюм погиб... – со вздохом согласился Меглин.

– Ты хоть помнишь – как?

– Не сердись.

– Что ты, я привыкла.

В это время у нее зазвонил телефон. Есения выслушала сообщение, ответила: «Да, сейчас едем», – и объяснила:

– Нашли еще одну.

...Возле морга стояло несколько полицейских машин. Когда Меглин и Есения вышли из здания, сидевшие в них оперативники поглядели на москвичей с осуждением. А капитан Егоров, подошедший к Меглину, видимо, полностью утратил всякое уважение к заезжей знаменитости.

– Слышал, вы вчера хорошо отдохнули? – с издевкой спросил капитан. – Пока он еще одну убивал...

– От кого слышали? – осведомилась Есения.

– Серега вас в парке вчера видел, – усмехнулся Егоров, кивнув на стоящего рядом оперативника – долговязого, крепкого, явно спортсмена.

– Мы и работали тоже, – сказала Есения, доставая бумагу. – Вот список. Ваш маньяк среди этих тридцати фамилий. Учились все в одном классе.

– Откуда такая информация? – с глубоким недоверием спросил Егоров.

– От верблюда, – вместо Есени ответил Меглин. – Он все знает. Пробейте – женщина просит.

Егоров, скривившись, забрал список и позвал:

– Толя! Белых!

Подошел еще один оперативник, совершенно неприметный.

– Подними биографии этих школьников!

Когда полицейские разошлись, Меглин наклонился к Есене и тихо сказал ей на ухо:

– Будешь общаться со здешними ментами – смотри им на ноги.

– Зачем?

– ОН носит черные кроссовки. Большого размера.

– Откуда ты знаешь?

Меглин не ответил. Не сказал, что вчера, когда лежал, избитый, на земле, заметил бегущую по дорожке девушку. Ту самую, что лежала сейчас в морге. А еще – ноги человека в черных кроссовках, скрытого кустами...

Саша Тихонов шел на работу в Следственный комитет и вдруг услышал, что его кто-то зовет. Обернувшись, увидел прокурора Стеклова, отца Есени.

– Прогуляемся? – предложил тот.

Когда они немного отошли от здания СК, Стеков сказал:

– У Есени сейчас многое в жизни меняется. Наша с тобой задача – поддержать ее в этот непростой период. Согласен?

– Да я с радостью, но она не горит желанием со мной общаться... – признался Тихонов.

– А ты будь настойчивей, – убеждал прокурор. – Зайди к нам как-нибудь, я приглашаю.

– Спасибо, я с удовольствием...

– Захочешь что-то обсудить, рассказать – я всегда выслушаю, – продолжил Стеков. – Я должен быть в курсе, что с ней происходит. Договорились?

В парке было немногочисленно. Усадив Есению на скамейку, Меглин сказал, что отойдет на минутку, и исчез. Прошло несколько минут, и к скамейке подошел тот самый долговязый оперативник, который приехал утром в морг вместе с Егоровым.

– Не пом-мешаю? – спросил он, слегка заикаясь. – Мокрушин, Сергей. Мы сегодня утром с вами виделись.

Есениа обернулась к Мокрушину. Первое, что она увидела, – черные кроссовки. Большого размера... Она испугалась, но взяла себя в руки.

– А вы тут откуда? – спросила любезно.

Опер сел рядом с ней.

– Патрулирую, – объяснил он. – Вас увидел – решил подойти... Если мешаю, я п-пойду!

– Нет, не мешаю.

Парень некоторое время сидел, искоса поглядывая на Есению, потом решился и спросил:

– Как вам город?

– Приятный город, – сказала девушка. – Жалко, что такой повод для поездки.

– Ничего, скоро все это закончится, – убежденно заявил Мокрушин.

– Почему вы так решили?

– Ну вы же здесь? Почему вы на меня так смотрите?

– Сергей, а почему вы в милицию пошли?

Оперативник пожал плечами.

– Ну, я вообще-то легкой атлетикой занимался. А потом – квартира была нужна, а здесь давали...

– А дальше что думаете делать?

Мокрушин пожал плечами:

– Не знаю... Может, женюсь!

– А хотите, я вам по руке погадаю? – неожиданно предложила девушка.

– Как это? – опешил Мокрушин.

– Скажу имя жены. Давайте!

Оперативник, не ожидавший такого развития событий, улыбаясь, протянул руку. Есениа взяла ее, несколько секунд всматривалась в линии на ладони... а затем резко вывернула пальцы и заломила руку парня за спину. Мокрушин взвыл от боли. Его развернуло, сдернуло со скамейки, и он плашмя повалился на землю лицом вниз. Есениа стояла над ним, радуясь победе...

Впрочем, ее торжество длилось недолго – ровно до того момента, как вернулся Меглин. Вместо того, чтобы похвалить помощницу, задержавшую опасного маньяка, он освободил оперативника от захвата, помог подняться и извинился перед ним. А Есение сообщил, что у Мокрушина железное алиби, он проверил: в те дни, когда происходили последние убийства, парень или находился в отделении, на виду у сослуживцев, или его вообще не было в Липецке.

– Откуда я знала про его алиби? – сердито бурчала Есения, когда они шли к выходу из парка.

– А спросить нельзя было?

– А где ты вообще был, почему меня бросил?

– Портреты получал, – ответил Меглин. – Вот, гляди.

И он развернул лист ватмана, который держал в руках. На нем карандашом были набросаны лица десятка примерно людей – тех, кто был в парке накануне, в тот момент, когда Меглин разыгрывал сцену «хулиган пристает к девушкам». Внимание Есени привлекло одно лицо – молодого еще человека, одетого в обноски, какие носят алкоголики. Того самого человека, что уже один раз встретился им, когда они шли к школе.

– Это кто? – спросила она.

– Тот, у кого хватило спокойствия остаться, когда меня били. Я художника заранее попросил всех зарисовать. Не узнаешь?

– Нет...

– Ладно, иди, утешай парня. Зря обидела – теперь утешай.

– А ты?

– А я поработаю...

И Меглин направился к выходу из парка.

Спустя некоторое время его можно было увидеть заходящим в подъезд одного из стоящих неподалеку домов. Поднявшись по лестнице, сыщик постучал в обшарпанную дверь. Ему открыл пожилой человек, по виду – явный алкоголик.

– Нам войти можно? – проникновенно спросил Меглин.

– Кому это – нам?

В ответ сыщик продемонстрировал бутылку водки у себя в руке.

Через несколько минут мужчины уже сидели в комнате и Меглин разливал водку по стаканам.

– Ну, за наших! – провозгласил он.

– Это за кого? – продолжал удивляться хозяин.

– За алкашей! Без них страна – пустыня!

Хозяин тост поддержал, и Меглин немедленно налил по второй. Однако пить не спешил. Вместо этого встал, подошел к стене, на которой висели семейные фото. Одна из фотографий запечатлела всю семью: мужчину, в котором, хотя и с трудом, можно было узнать хозяина квартиры, женщину рядом, и между ними – болезненного вида мальчика. Были и другие фотографии, где этот мальчик выглядел старше; на одной – уже совсем юноша. Меглин развернул свой ватман, сверяя лицо на фотографии с карандашным наброском. Потом спросил, не оборачиваясь:

– Это сын твой?

– Может, и так...

– Болел, что ли?

– Сначала жена болела, – ответил алкаш. – Померла... Потом он болел... с горя...

В мозгу Меглина одна за другой возникали картины – ярко, словно все происходило на его глазах.

Школьная спортивная площадка. Мальчик, которого он видел на снимке, вместе с другими учениками бежит кросс. Прибегает последним. Над ним смеются девчонки. Он толкает одну из них. Тогда целая стайка девчонок начинает его бить.

После уроков мальчик идет домой через парк. Оглядывается – за ним идут те самые обидчицы. Он бежит. Девчонки бегут за ним, кричат: «Дохляк! Плакса!» Камень ударяет

его в затылок. Он резко сворачивает в кусты, прячется за парпетом. Достает из кармана ключи и начинает выцарапывать первую фамилию...

– А он вырос все-таки, твой сын, – все так же, не оборачиваясь, сказал Меглин. – Сильным человеком стал.

– Вырос, – кивнул хозяин. – Старался всем назло.

Тогда Меглин обернулся и, глядя ему в глаза, сказал:

– Один вопрос: ты знал, каким он вырос?

Стакан дрогнул в руках у хозяина, так что водка чуть не расплескалась. Он с тоской и злостью взглянул на гостя и спросил в свою очередь:

– А ты бы что сделал?

Меглин скатал свой ватман, еще раз бросил взгляд на фотографии на стене и направился к выходу. Уже у самой двери бросил через плечо:

– То, что сделаю.

Несправедливо обиженный оперативник Мокрушин проводил Есению до самой гостиницы. Возле подъезда она сказала:

– Слушай, извини, что так получилось...

А потом, поняв, что этого мало, что заноза в душе у парня все равно останется, неожиданно для него – да и для себя – обняла его и поцеловала. Улыбнулась и сразу ушла. А Мокрушин, совершенно счастливый, направился в отдел.

Поднявшись на свой этаж, девушка постучалась в номер Меглина. Ответа не было. Постучала еще раз, потом вошла. Номер был пуст, только из ванной доносился шум воды. Есения заглянула в приоткрытую дверь и увидела странную картину: ванна была полна до краев, и по воде плавал бумажный кораблик...

Есения обернулась и увидела рядом с собой недовольную горничную.

– Шебутной этот велел передать, что в парке вас ждать будет, – поджав губы, сообщила та.

Есения поспешила назад, в парк. Уже сильно стемнело, прохожих на улице почти не было. Девушка почувствовала себя неуютно. Ей все время казалось, что кто-то идет сзади, кто-то следит за ней. К счастью, подошел троллейбус, двери открылись, и Есения торопливо поднялась в салон.

Троллейбус был почти пуст – только сидела впереди тетка с сумками да дремал какой-то бомж в надвинутой на глаза кепке. Следом за Есеньей вошел еще один мужчина, сел впереди.

На следующей остановке тетка с сумками вышла. Тогда мужчина встал, подошел к Есене и уселся рядом. Она с удивлением узнала в нем одного из оперативников, который присутствовал на совещании в УВД. Да, точно – он сидел прямо перед ней, во втором ряду! Кажется, ей даже называли его фамилию: Белых... Правда, сейчас следователь Белых выглядел как-то странно. Хотя на улице было прохладно и шел дождь, он почему-то сильно потел – все его лицо блестело.

– Здравсьте, Елена Петровна, – сказал следователь, утирая пот с лица. – На прогулку?

Есения, пораженная его необычным видом, молчала, не зная, что ответить. Да он, кажется, и не ждал ответа.

– Поздновато, – произнес следователь Белых; глаза его возбужденно сверкали. – Маньяк же в городе. А вы такая... Или вы на службе? Ищете? Может, нашли?

Есения по-прежнему молчала. А следователь, закрыв ее от водителя спиной, вдруг высвободил из руки спрятанный в ней шнурок и отработанным движением накинул его девушке на шею.

Есения пыталась сопротивляться, но руки лишь беспомощно молотили воздух. А Душител резким движением развернул ее спиной к себе и еще туже затянул удавку.

Водитель заметил происходящее в зеркале, но лишь усмехнулся: сцена выглядела как страстные объятия влюбленной парочки.

Есень уже хрипела, теряя сознание. И вдруг со своего места поднялся дремавший бомж. Подошел к «обнявшейся» паре, достал из кармана перочинный нож – и резко вонзил его в шею Душителя. Тот захрипел и отпустил удавку. Есень обернулась, все еще задыхаясь и держась за горло, – и узнала в бомже Меглина.

Троллейбус остановился, водитель открыл двери и в ужасе выскочил из салона. У Душителя из располосованной шеи фонтаном била кровь. Он зажал рану рукой, встал и, шатаясь, двинулся к двери, но, не дойдя, повалился на сиденье. А Меглин аккуратно сложил нож, спрятал в карман и заговорил в своей обычной манере – то ли обращаясь к Есене, то ли к самому себе:

– В школе он носил фамилию матери. Когда она умерла, взял другую, отца. Поэтому в списке мы его не нашли бы. Знакомся: Анатолий Белых, липецкий душитель. Болезненный и забитый в детстве мальчик, который очень хотел, чтобы его любили девочки. Но они его не любили, а дразнили, били и не давали. Он вырос и пошел в милицию. Думал, девочки дают тем, у кого есть пистолеты. Не-а, не дают! Как ты первый раз понял, что тебе надо, а? Задерживал кого-то? Шлюху? Стал душить и вдруг кончил?

Душитель повернул к нему заплаканное лицо и прошептал одними губами:

– Прости...

– Да, в детстве тебе досталось! – продолжал Меглин. – Но зачем столько – десять девчонок? Теперь ты не сможешь с этим жить. Не можешь жить – ну так сдохни.

Повернувшись к Есене, добавил:

– Ты была бы одиннадцатой. Нет уж, Толя, давай на десяти остановимся.

Душитель, собрав последние силы, поднялся, вышел из троллейбуса, сел прямо на землю. И умер.

В комнате для допросов Седой достал из портфеля пластиковый пакет, в котором лежал перочинный нож.

– Узнаете? – спросил Есень.

– Да. Он носил его с собой. Всегда.

– Вы утверждаете, что Душитель напал на Меглина, а тот оборонялся. Однако характер ранения говорит об обратном.

– Я говорю, что видела, – настаивала девушка.

– Бросьте, – устало усмехнулся Седой. – Мы все знаем. Мы ему разрешили.

– Что разрешили?

– Знаете, – объяснил Седой, – если собака взбесилась, ее уже не вылечить. Можно только усыпить. Работа неприятная, но кто-то должен это делать.

И затем, видя, что девушка ему все еще не верит, добавил:

– Мы знаем, что это сделал Меглин. Я хочу понять, что в этот момент почувствовали вы.

Есень задумчиво посмотрела на следователя и коротко ответила:

– Ужас.

...Возле дома Славика стояло сразу несколько машин: полицейский автомобиль, «Скорая», легковушка родителей похищенной девочки и еще одна – матери Юли и Алисы. Санитары вывели из дома Славика, полицейские бережно вывели похищенную девочку, передали родителям. Последней вышла Юля. Она явно не знала, как себя вести, куда идти. Стоявший рядом с крыльцом Меглин сказал:

– Мы теперь за тобой присматривать будем. Всю жизнь. Ты теперь наша, поняла? Иди...

Алиса первая обняла сестру и заплакала у нее на груди. Затем подошла и мать, обняла девочек, повела к машине. Если бы кто-то заглянул в этот момент в лицо Юли, он увидел бы на ее глазах слезы. Это были первые ее слезы за много лет...

Машина Меглина выехала из Липецка и, увеличивая скорость, помчалась на север, в Москву. Сыщик скосил глаза на свою помощницу, сидевшую рядом. На коленях у нее была сумка, из которой выглядывала знакомая папка – дело ее матери.

- Все прочитала? – спросил сыщик.
- Здесь страниц не хватает, – не удивившись вопросу, ответила Есения.
- И что ты собираешься делать?
- Искать, – ответила она. И, после паузы, спросила с надеждой:
- Ты мне поможешь?

Глава 4

День дает человеку пищу, ночь – голод.
Метод

В детском клубе «Романтик», расположенном в одном из домов Приморска, шли занятия. Дети под наблюдением руководителя клуба Анатолия Валерьевича делали деревянные рукоятки для ножей, выжигали на них название клуба, украшали вязью.

Руководитель клуба не случайно выбрал именно такую работу для своих воспитанников. В «Романтике» собрались так называемые «трудные дети» – многие из них перед этим убежали из дома, плохо учились. Анатолий Головко ходил с ними в турпоходы, учил преодолевать трудности, закалять волю. Этим ребятам нравилось возиться с оружием, чувствовать себя сильными. Вот почему они делали рукоятки для ножей.

Занятие закончилось, дети начали собираться домой, сдавали ножи руководителю. Одиннадцатилетний Паша Орлов не спешил. Он подошел к Головко и попросил:

– Анатолий Валерьич, можно я нож маме покажу? И верну, сразу!

Его просьбу подхватил другой мальчик, Алеша:

– А я папе покажу и сразу верну! Пожалуйста!

Головко усмехнулся и кивнул. Дети, обрадованные, направились к выходу. К ним присоединился еще один мальчик – невысокий, щедушный Ваня. Однако Анатолий Валерьевич окликнул его:

– Ваня, останься!

Мальчик послушно повернул назад.

Когда все вышли, руководитель запер дверь на ключ, потом зашел в подсобку и вынес оттуда черные ботинки, белые носки и рубашку и черные шорты.

– Переодевайся! – приказал он Ване.

Мальчик послушно переоделся в принесенную одежду.

– Ботинки не жмут? – заботливо спросил руководитель.

– Нет... – тихо ответил Ваня.

Ему совсем не нравилось происходящее. Но возразить он не решался.

Головко опустился на колени у ног Вани, взял сапожную щетку и принялся чистить мальчику ботинки. Потом поправил носки, спросил:

– Красивые, правда?

– Да...

Тогда мужчина встал и отошел в сторону. Там на штативе был закреплен дорогой профессиональный фотоаппарат. Головко сделал несколько снимков и спросил:

– Ты придешь?

Ваня молча кивнул. Спустя несколько минут, переодевшись в свою обычную одежду, он вышел на улицу. У выхода его ждал Алеша.

– Ну что, ты согласился? – спросил он у друга.

Ваня вновь кивнул.

– Матери не говори, – посоветовал Алеша. – Я своей сказал – она не поверила. Типа, я спецом гоню, чтобы в клуб не ходить. Не бзди, Вань, проучим мы этого урода.

В это время руководитель клуба «Романтик» возится возле большого зеркала, висящего в помещении клуба. И вдруг зеркало отъезжает в сторону. Открывается помещение фотолaborатории. Анатолий Валерьевич закрывает дверь, включает красную лампу и начинает проявку. Когда в проявочной кювете появляется только что сделанная фотография – Ваня в чер-

ных шортах и белой рубашке, – руководитель клуба вешает еще мокрый снимок на веревку сушиться. Сам встает перед снимком, снимает брюки. Мужчина возбужден, и его возбуждение все сильнее. Ноздри раздуваются, он тяжело дышит. Анатолий Валерьевич мастурбирует...

В комнате для допросов Седой подвинул к себе папку с надписью «Приморск» и произнес:

– Меглин обычно не выбирал дела. Куда скажут, туда и ехал. Кроме этого случая. Командировку в Приморск он выбил сам. Почему?

– Я его попросила, – ответила Есения.

– Вот как?

– Глухой по его приказу собирал данные о пропажах детей по всей стране. Изучая эти материалы, я заметила, что в Приморске дети пропадали чаще. Все они были из неблагополучных семей, примерно одного возраста, даже внешне похожи. Когда пропал еще один ребенок, я пошла с этим к Меглину.

– И на основании одной вашей интуиции он решил туда ехать? – спросил Седой. В его голосе звучал нескрываемый скепсис.

– Он тоже так сказал, слово в слово, – усмехнулась Есения. – «На основании одной моей интуиции». Понимаете, он хотел проверить, есть ли у меня чутье.

Паша Орлов, тот самый мальчик, что просил у руководителя клуба разрешения взять с собой нож, вернулся домой. Еще у порога он услышал раздающиеся из комнаты матери странные звуки. Осторожно подошел, заглянул... И увидел, как отчим, крепкий сорокашестилетний мужик, избивает мать. Избивает, видимо, уже давно. Не раздумывая, мальчик выхватил из-за пояса нож и бросился на отчима. Но тот обернулся и успел перехватить занесенную для удара руку...

...В клубе «Романтик» шло общее собрание. Анатолий Валерьевич держал речь перед двумя десятками мальчишек и девчонок.

– Что главное в нашем клубе? – спросил он и сам ответил:

– Кодекс! В походе Капустин отказался нести рюкзак товарища, поранившего ногу. Решил сберечь силы. Струсил. Нарушил кодекс. Как мы с ним поступим? Прошу высказываться.

Раздались голоса: «Исключить!» «Исключить, и без права прощения!» Лишь одна девочка предложила «исключить с правом прощения», остальные были суровы. Капустин, мальчик с одутловатым лицом сердечника, заплакал. Когда все высказались, Анатолий Валерьевич сказал:

– У меня один голос, как у каждого из вас. Если решите исключить Сережу – так и будет. Но я прошу вас еще раз все обдумать. Мама у Сережи умерла. Папа погиб. Живет он с бабушкой. Но к нам его привела не бабушка, а полиция. Он украл в школе. Не в первый раз. Врачи мне говорили не брать его – сердце слабое. Но я сказал: сердце станет сильным, когда станет сильной воля. Да, он проявил слабость. И что, мы вышвырнем его на улицу? Для нас важен кодекс, но разве человек неважен? Леня, Женя, Антон, вспомните – какими пришли сюда вы? Забыли? Для многих «Романтик» стал спасительной веревочкой. А мы ее раз – и обрежем. Кто мы будем после этого?

Он сделал паузу. В зале стояла тишина. Ребята, замерев, смотрели на своего руководителя.

– Я за прощение, – вновь заговорил Анатолий Валерьевич. – С автоматическим исключением за любое нарушение кодекса. Голосуем. Кто за то, чтобы исключить Сергея из клуба?

Неуверенно поднимается одна рука, и тут же опускается.

– Кто за то, чтобы простить?

Лес рук.

– Единогласно, – заключил Анатолий Валерьевич.

Мальчик Сережа Капустин вскочил с места, бросился к руководителю и обнял его.

– Спасибо! – прошептал он.

– Не мне – им скажи, – ответил руководитель. – Сделай так, чтобы они не пожалели.

Затем скомандовал:

– Все свободны! Паша, Орлов! Задержись...

Когда дети разошлись, руководитель всмотрелся в покрытое синяками лицо Паши и спросил:

– Что случилось?

И Паша рассказал все...

Спустя несколько минут они уже были на улице. Паше приходилось бежать, чтобы не отстать от руководителя.

– То, что нож выхватил – глупость непростительная! – на ходу объяснял руководитель своему воспитаннику. – И я дурак, что тебе разрешил...

– Нет, вы не виноваты!

– Но и оставлять это так нельзя! – заключил Анатолий Валерьевич.

...Паше он велел ждать внизу. Сам поднялся на нужный этаж, позвонил. Дверь открыла мать Паши. Узнав Анатолия Валерьевича, встревожилась. Однако руководитель ничего ей объяснять не стал. Велел выйти на площадку и подождать. Сам вошел в квартиру. Из комнаты раздался пьяный голос отчима:

– Наташка! Это что, ублюдок твой вернулся?

А затем появился и сам «отец семейства», в одних трусах.

– Нож отдай, – велел Анатолий Валерьевич.

– Щас отдам! – зло ухмыльнулся отчим. – Прямо тебе в пузо! Не уходи!

Он скрылся в комнате и снова появился, уже с ножом в руках. Но в коридоре никого не было. Отчим направился на кухню. В это время за его спиной возник Анатолий Валерьевич. В руках у него была веревка. Набросив ее мужику на шею, руководитель клуба свалил его на пол, дважды закрутил петлю и, усевшись на спину поверженного противника, с холодной жестокостью наблюдал, как тот дергается в конвульсиях. Затем немного ослабил удавку и сказал:

– Не теряй сознание, помнить не будешь. А я хочу, чтоб ты помнил. Обидишь их – удуш, да так, что все скажут, что ты по пьянке повесился. Если понял, руку подними.

Отчим в ответ захрипел, застучал рукой по полу. Руководитель клуба снял петлю – веревка исчезла в его кармане так же незаметно, как и появилась. Затем Анатолий Валерьевич открыл дверь на лестничную площадку и сказал Паше и его матери:

– Входите, не бойтесь.

Затем, обернувшись к отчиму, все еще лежащему на полу, посоветовал:

– Приглядывайте за ним. Допился совсем. «Повешусь, – говорит, – жить не хочу».

И быстро ушел. Анатолий Валерьевич торопился не зря: ему в этот вечер предстояло еще одно важное дело, о котором он не забывал ни минуты.

Подойдя к двери клуба, руководитель увидел ожидающего его Ваню.

– Ну что, готов? – ласково спросил он мальчика.

Ваня молча кивнул.

Анатолий Валерьевич вывел из гаража мотоцикл, взял заранее приготовленный рюкзак, и вскоре они с Ваней мчались за город. На опушке леса оставили мотоцикл, руководитель надел рюкзак, и они двинулись по тропинке куда-то в глубь леса.

Тропинка привела их к реке. Посередине слабо мерцающего водного потока чернел в темноте остров. Анатолий Валерьевич отыскал спрятанную в кустах лодку, усадил туда мальчика, забрался сам, и они поплыли. Всю дорогу руководитель клуба улыбался Ване, кивал ободряюще.

На острове нашли поляну, окруженную молодыми березами. В центре ее стоял большой пенёк. Анатолий Валерьевич взялся за пенёк – и с необычайной легкостью оторвал его от земли. Оказалось, что пенёк не держится корнями за землю, а просто стоит – это была замаскированная скамейка.

Анатолий Валерьевич переставил пенёк под толстый сук. Приладил на сук веревку, смастерил петлю. В нескольких шагах от пня установил штатив с фотокамерой. Затем извлек из рюкзака уже знакомый Ване комплект одежды: белую рубашку, черные шорты, носки, ботинки. Скомандовал:

– Переодевайся.

Когда мальчик переоделся, руководитель клуба поставил его на пенёк, на шею надел петлю и стал объяснять:

– Я все контролирую. Ты потеряешь сознание на несколько секунд. Это эксперимент на выносливость. Когда я опубликую мою книгу, тебе скажет спасибо много людей: военные, космонавты, подводники. За эти знания, за твою смелость. Готов? Сделай глубокий вдох.

Ваня вдохнул, и Анатолий Валерьевич выбил пенёк у него из-под ног. Мальчик повис в воздухе, тело задергалось в конвульсиях. Когда судороги прекратились, Анатолий Валерьевич ослабил веревку и опустил Ваню на землю. Проверил пульс: мальчик был жив. Тогда руководитель клуба быстро разделся догола, подхватил тело мальчика, все еще остававшегося без сознания, на руки и стал кружить с ним по поляне, словно вальсируя...

Он был уверен, что его никто не видит. Между тем один зритель имелся. Из-за кустов за всей этой сценой наблюдал друг Вани – Алеша. И не просто наблюдал, а снимал все происходящее на камеру мобильного телефона. Когда Анатолий Валерьевич опустил Ваню на землю, Алеша стал просматривать получившееся видео. Тут его ждало разочарование: расстояние оказалось слишком большим, на экране виднелись лишь размытые пятна. Алеша заколебался, потом принял решение. И медленно, осторожно стал подбираться ближе...

Между тем Ваня пришел в себя. Анатолий Валерьевич тут же протянул ему кружку с чаем из термоса.

– Пей! – предложил он. – Ты был без сознания две минуты. Ты настоящий герой! Об этом все узнают. Еще попытка, и все. Готов?

Ваня молча залез на пенёк. Анатолий Валерьевич выбил опору, ноги мальчика снова конвульсивно задергались... И тут организатор «эксперимента» заметил в кустах какой-то отблеск. Он резко обернулся – и увидел Алешу с телефоном в руке. Поняв, что он обнаружен, мальчик бросился к реке.

– Стой! – крикнул мужчина.

Он поспешно подставил пенёк под ноги Вани и бросился вдогонку за Алешей.

Он не видел, что мальчик, находившийся без сознания, дернулся еще раз – и опрокинул ненадежную опору. И вновь повис в воздухе...

Тем временем Анатолий Валерьевич догнал Алешу и сбил его с ног.

– Что ты здесь делаешь?! – крикнул он. – Дай сюда!

И стал вырывать у мальчика телефон. Возможно, если бы Алеша его послушался, ничего бы не случилось. Но мальчик испугался – и от страха бросил телефон, выхватил нож и ударил мужчину по руке. Анатолий Валерьевич закричал от боли и начал выкручивать руку мальчика с ножом. Тот боролся изо всех сил. Руководитель клуба навалился сильнее... и нож, повернутый в этот момент в сторону Алеши, вошел в тело ребенка.

Совершенно растерянный, Анатолий Валерьевич медленно поднялся, все еще глядя на мертвого Алешу. Вдруг, спохватившись, бросился назад, на поляну. Там он увидел еще одного мертвого ребенка – в петле...

...Они ехали весь день. Меглин вел машину как можно быстрее, не слишком соблюдая правила. Есения продолжала изучать папку с делом матери.

– Столько лет прошло... – пробормотала она. – Теперь этих листов не найти...

– Следы всегда остаются, – возразил Меглин. – Как ни подчищай за собой, всего не предусмотритишь. Где-то останется копия.

– Ты хочешь сказать, где-то есть копия дела? – спросила девушка, сразу оживившись.

Однако Меглин молчал. Не дождавшись ответа, Есения принялась устраиваться поудобнее, чтобы вздремнуть. Поискала под сиденьем рычаг, регулирующий наклон спинки, и неожиданно нащупала... наручники. Одно кольцо было вдето в раму.

– Зачем тебе? – спросила она, с недоумением глядя на следователя.

– Пассажиры всякие бывают... – уклончиво ответил он.

...Вечером того же дня они сидели в кабинете мэра Приморска. Пока Меглин курил у окна, Есения беседовала с матерью Вани.

– Ваня в тот день говорил, куда собирается идти?

– Утром сказал... – сквозь слезы произнесла женщина, – сказал: «Я, мама, раньше приду, не хочу в клуб идти...»

– В какой клуб?

– «Романтик». Я ему говорю: как же не идти? У вас поход мемориальный девятого... Шашлыки...

– И почему вы его пустили? – включился в разговор Меглин.

– Там из него человека делали! – убежденно ответила мать. – Если бы он не пропустил, глядишь, и не было бы ничего. Это Алешка его подбил...

На этом разговор прервался: в кабинет вошли его хозяйка – глава города, немолодая некрасивая женщина, начальник городского ОВД и следователь, ведущий проверку в связи с пропажей двух мальчиков. Все сели, и начальник ОВД стал держать речь.

– Оснований для возбуждения дел и тем более для их объединения нет, – уверенно заявил он. – Все дети из вашего списка – из неблагополучных семей. Некоторые уже раньше убегали из дома. Тела не найдены. Общего у них ничего.

– Они были между собой знакомы? – спросил Меглин.

На этот вопрос ответил следователь:

– Возможно. Несколько ребят ходили в «Романтик», могли там пересечься.

– «Романтик» – детский туристический клуб, – пояснила глава города. – Наша гордость!

– А кто руководит гордостью? – спросил Меглин.

Местные посмотрели на него неодобрительно, как на человека, задавшего бестактный вопрос.

– «Романтику» – двадцать лет, – наставительно объяснила мэр. – Столько дел добрых сделано... В походы ходят, деревья по всему городу сажают...

– Ну да, шашлыки мемориальные, – кивнул Меглин, не обращая внимания на реакцию участников совещания. – А как фамилия руководителя?

– Анатолий Валерьевич Головкин, – ответила глава города. – Заслуженный учитель России. Он этих ребят с улицы вытаскивает и в семьи возвращает!

– А звание заслуженного учителя ему вы пробили?

– Да, я! И я этим горжусь!

Начальник ОВД попытался сгладить разгорающийся конфликт.

– На самом деле у нас есть версия, – заявил он. – Есть тут одно место гиблое. Пацаны там часто тусуются. Никто их не убивал. Посмотрите?

– Конечно, что раньше времени паниковать? – нарочито бодрым тоном ответил Меглин. – В год по стране двадцать тысяч народу пропадает, и что? Нет трупа – значит, жив человек. Это называется оптимизм! Так что не будем терять надежды, товарищи!

Когда участники совещания выходили из кабинета, Меглин сказал начальнику ОВД:

– Веревка нужна будет.

– Зачем? – опешил полицейский начальник.

– Для следственного эксперимента, – загадочно отвечал сыщик.

Следуя за машиной начальника ОВД, Меглин и Есения приехали к обрыву над рекой. Вышли, огляделись. Обрыв производил впечатление – высотой метров тридцать. Начальник ОВД принялся объяснять:

– Бухари местные отсюда пару раз падали. И пацаны приходят с обрыва прыгать. Как их только не гоняют! А место – сами видите. Предполагаю – сорвались, и все. А там такой омут... Никакое тело не всплывет.

Меглин поднял бровь:

– Все семеро? Хотя да, место гиблое. Веревку привезли? Я спущусь, посмотрю. Вдруг увижу что.

Ему дали веревку. Сыщик отрезал перочинным ножом кусок нужной длины, сделал петлю и протянул ее начальнику ОВД:

– Надевайте.

– Зачем? – опешил тот.

– Вы тут самый крепкий, – объяснил Меглин. – Ведь вы меня удержите? Главное – стойте крепко, от вас моя жизнь зависит.

Полицейский руководитель пожал плечами, однако петлю надел. Расставил ноги, уперся крепче. Меглин подошел к краю обрыва... затем неожиданно отдал свой конец следователю – и толкнул начальника ОВД вниз!

Тот издал дикий крик ужаса. Следователь крепко держал веревку, но его тащило к обрыву, и он уже готов был разжать руки.

– Держать! Или тюрьма! – прикрикнул на него Меглин.

После чего шагнул к обрыву и крикнул повисшему над пропастью начальнику:

– Десять лет пацаны у тебя пропадают! А он предполагает! Теперь какие у тебя предположения?

Развернулся и направился к машине. У него за спиной полицейские поспешно вытягивали из пропасти своего начальника, орущего:

– Я этого так не оставляю, слышь ты, псих!

Когда они уже тронулись, Есения спросила:

– Куда теперь?

– С романтиком знакомиться, – буркнул сыщик.

Анатолий Валерьевич, окруженный толпой детей, вышел из клуба и запер дверь. Дети пошли в одну сторону, руководитель – в другую. За ним, на некотором расстоянии, следовали Меглин и Есения.

Вскоре Головкин зашел в столовую. Меглин сунул девушке несколько купюр, бросил:

– Вина купи.

Когда Есения принесла бутылку портвейна, следователь зашел в столовую. Отыскав одиноко сидевшего за столиком Головкина, сел напротив и налил себе первый стакан, потом вто-

рой... Спустя несколько минут вид у него был, как у типичного алкоголика: глаза смотрят в разные стороны, волосы взлохмачены... Меглин громко говорил, обращаясь к соседу:

– Мне в человеке знаешь что надо увидеть? Глаза! Вот тебя по глазам видно: наш человек!

При этом он сделал попытку налить вина и руководителю клуба.

– Не пью, – твердо заявил Головки.

– У русского человека причина должна быть, чтоб не пить, – заявил Меглин. – Язва, к примеру. Но ты не язвенник: они тощие, а ты упитанный. Я так понимаю, в душе язва...

Бормоча это, он исподтишка изучал соседа. Отметил недавний глубокий порез на кисти руки.

– Зря вы все это, – неожиданно произнес Головки.

– Что зря?

– Театр этот ваш. Не там ищете. Время только теряете. Это ведь вы из Москвы приехали?

И, глядя, как его сосед-«алкоголик» на глазах трезвеет, продолжил:

– Мы этих детей искали. Каждого, всем клубом. По несколько дней. Но не нашли. Какая-то моя вина в этом, конечно, есть. Спасти не всех удастся, хотя дерусь за каждого. Но некоторые уходят. Я все-таки надеюсь, что они живы. Если бы с ними, не дай бог, что-то случилось, мы бы их нашли.

– Или их хорошо спрятали... – предположил Меглин.

– Я об этом даже думать не хочу, – признался Головки. – Ведь тогда их никогда не найдут.

С этими словами он отодвинул тарелку и вышел из столовой. Меглин – за ним. На улице к нему подошла Есения.

– У него на руке порез свежий, – сообщил сыщик.

– А еще кольцо, – добавила девушка.

– И что?

– Женат, а ест в столовой.

– Значит, есть в душе язва, – заключил Меглин. – Где живет он, узнай.

...Прокурора Стеклова Саша Тихонов нашел в курилке Следственного комитета.

– Андрей Сергеевич, искали? – спросил.

– Да. Хотел спросить, где Есения.

– Не знаю, – признался Саша.

– Вот именно – не знаешь. Давай я тебе кое-что объясню. В этой жизни тем, кто сопли жуёт, достается крайне мало. Фактически ничего, кроме этих соплей. Если я в тебе ошибся, ты скажи. «Не тяну, мол, Андрей Сергеевич, простите великодушно...»

У Саши раздулись ноздри, лицо окаменело от гнева.

– Почему вы со мной так разговариваете? Кто вам дал право?

Однако прокурора этот протест не испугал.

– О, другое дело! – воскликнул он. – Прямо герой, глаза горят. Вот и она тебя должна таким увидеть. А ты схвати – и не отпускай, ясно?

...Войдя в магазин, Лена – жена Анатолия Головки – встала в очередь в винный отдел. Лена была миловидная блондинка, мужчины на нее оглядывались. А сейчас она сама пару раз оглянулась, потому что за ней стоял какой-то мужчина, довольно интересный, который внимательно ее разглядывал. Темноволосый такой, крепкий. Толкнул разок, вроде бы случайно, а когда Лена повернулась, улыбнулся. Это было многообещающее начало...

Подойдя к прилавку, Лена попросила бутылку дешевого вина. У продавщицы, как назло, не оказалось сдачи. И тут интересный мужчина сзади вдруг заявил:

– Идите, я доплачу. Слушать ничего не хочу, идите.

А Лена особенно и не возражала. И ничуть не удивилась, когда, отходя от прилавка, услышала, как щедрый незнакомец попросил у продавщицы пачку дорогих презервативов...

Между тем Меглин (именно он был тем самым щедрым незнакомцем), выйдя из магазина, сел в машину и твердо приказал Есене:

– Давай, вылезай!

– Почему?! – возмутилась девушка.

– Без разговоров, вылезай и всё.

Когда Есения вышла, сыщик завел мотор и поехал вслед за не успевшей далеко уйти Леной. После недолгих переговоров она села на освобожденное Есеной место, и дальше они поехали вместе. А еще через некоторое время они, все так же вместе, вошли в квартиру. Пока Меглин осматривал семейное гнездышко, Лена подошла и обняла его.

– А если твой муж вдруг позвонит? – спросил сыщик, кивая на дверь. – Тут пятый этаж, а я выше третьего не прыгал...

– Не позвонит, – усмехнулась Лена. – У нас звонок не работает.

– Тем более, без звонка явится...

– Не явится. Он до ночи в клубе. Ирка в школе, в пять придет, а больше никому. Так что звонок нам вроде ни к чему.

– А муж по жизни кто? – поинтересовался гость.

– Раньше в ателье работал, фотографом, – объяснила Лена. – А теперь в походы ходит.

– А кого фотографирует, тебя?

– Меня, кого ж еще, – уверенно ответила Лена.

Меглин незаметно оглядел стену комнаты, увешанную фотографиями. Ни на одной Лены не было. Почти на всех фото были запечатлены деревья – молодые березки.

Тут хозяйка спохватилась:

– Ой, Леш, ты ж, наверное, голодный? И у нас вино есть...

– Давай, накрывай самобранку, – согласился Меглин. – Я сейчас.

Лена устремилась на кухню, а сыщик подошел к комоду и начал в нем рыться. Нашел фотографию Анатолия Валерьевича с клубом, сделанную во время похода. Засунул ее в карман пиджака, задвинул ящик... И вдруг его шатнуло, да так, что он едва не упал. Меглин побледнел, лоб покрылся испариной. Дрожащими руками он достал из кармана пузырек с таблетками и поспешил в ванную.

Здесь он торопливо бросил в рот несколько таблеток, запил водой. И тут... увидел в зеркале самого себя – второго! Обернулся – галлюцинация не исчезла. Перед сыщиком стоял он сам – но с совершенно безумными глазами, в больничной пижаме. И этот безумец усмехался!

Меглин несколько секунд постоял с закрытыми глазами. А когда снова открыл их, в ванной было пусто. Все еще пошатываясь, мужчина направился на кухню. Лена поспешно делала яичницу, резала колбасу. Когда гость вошел, она, словно извиняясь, объяснила:

– Что под рукой было. Я, вообще-то, вкусно могу, если есть для кого...

Она осеклась, разглядев дикий взгляд и расширенные зрачки гостя.

– Леш, ты себя нормально?.. – спросила женщина. – Бледный какой-то...

Меглин, не ответив, сел на табурет, но не удержал равновесие и упал на пол. Лена, не понимая, что происходит, кинулась его поднимать, рассыпаясь в извинениях:

– Прости ради бога, это все наша колченожка... Мужика в доме нет, что поделаешь...

Следователь уже пришел в себя. Оглядев остатки табуретки, спросил:

– Отвертка есть?

Но Лена была настроена вовсе не на ремонт.

– Может, выпьем? – предложила. – А уже потом отвертку?

Меглин пожал плечами. Разлил вино, поднял стакан.

– За что? – спросила Лена, с надеждой глядя на гостя.

– За наших, – последовал ответ.

Выпив, Лена подсела к гостю, обняла его... Однако Меглин отстранился, встал.

– Что не так? – растерялась хозяйка.

– Все так. Просто пора мне.

Лицо женщины сразу изменилось, в глазах задрожали едва сдерживаемые слезы.

– Да пошел ты! – прокричала она. – Импотент!

Но Меглин уже закрывал за собой дверь...

...В Москве шло расследование очередного убийства (или, возможно, самоубийства). Над телом лежащего на асфальте мужчины склонились двое следователей и стажер – Женя Осмыловский. Рядом валялся букет цветов.

– Вот и думай теперь, кто его выбросил – то ли муж, то ли она со страху, – заметил первый следователь.

– Да, не повезло мужику, – покачал головой второй. – Что называется, сходил налево... Стажер, а ты как думаешь?

Женя ответил не задумываясь:

– У него глаза счастливые. Это она его...

В этот момент у него зазвонил телефон. Это была Есения.

– Привет! – обрадованно воскликнул Женя. – Я уж думал, ты про меня забыла.

– Тебя забыть нереально! – отозвалась Есения, сидевшая в это время в машине рядом с Меглиным. – Чем занят?

– Тружусь, – отвечал Женя.

– Выходные не забивай, ладно? – попросила девушка. – Я соскучилась. Пока, целую.

Она покосилась на Меглина, для которого и был в основном затеян этот разговор, – произвел ли он на него впечатление? И со злостью увидела, что сыщик откровенно смеется. Есения разозлилась еще больше.

– Я вижу, у тебя к провинциальным женщинам слабость? – спросила она с издевкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.